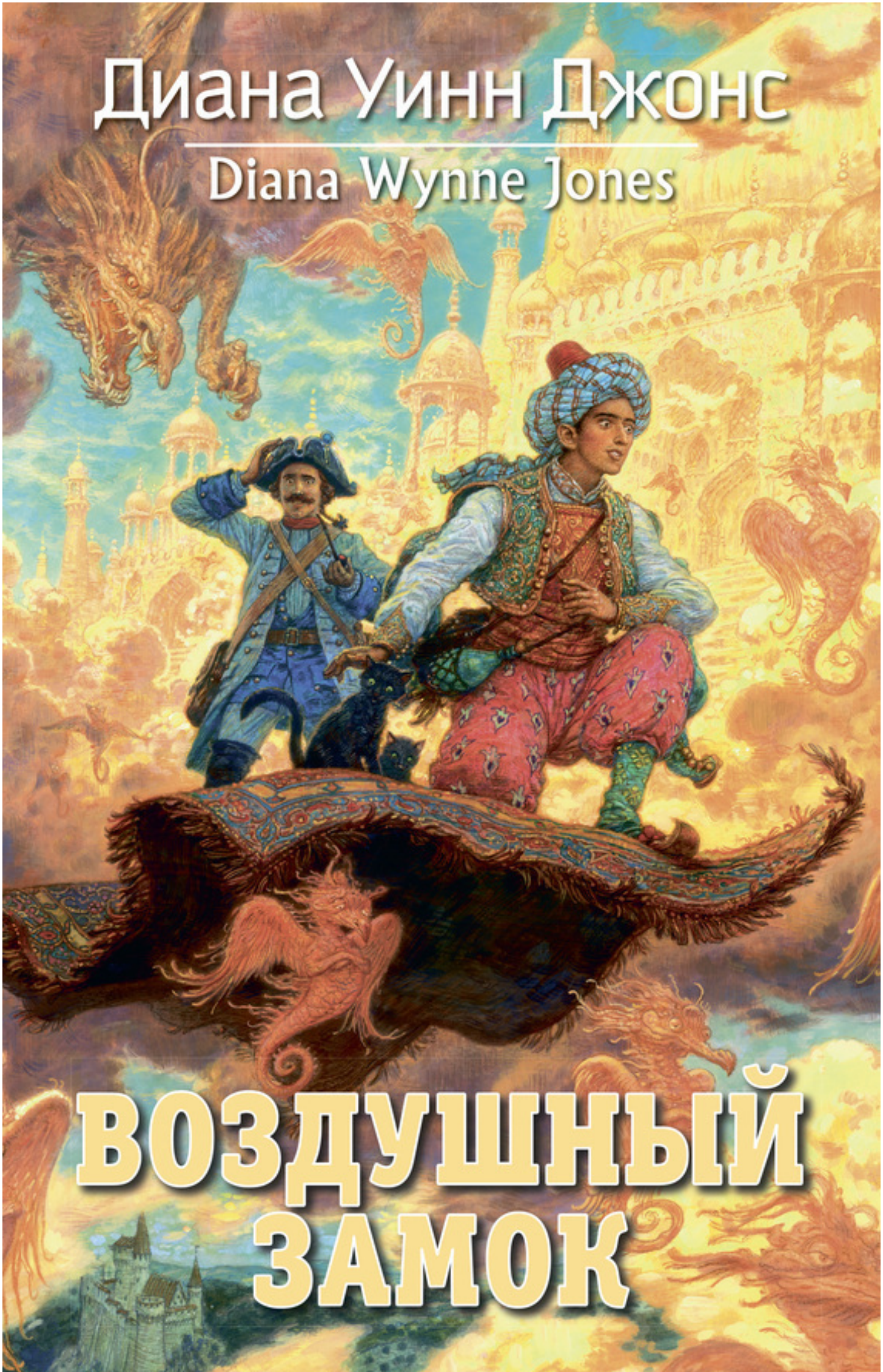
Диана Уинн Джонс

Diana Wynne Jones



ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Ходячий замок

Диана Джонс

Воздушный замок

«Азбука-Аттикус»
1990

Джонс Д. У.

Воздушный замок / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус», 1990 — (Ходячий замок)

Какую бы фантастическую историю ни рассказала читателю Диана Уинн Джонс, автор прославленной серии «Миры Крестоманси», скучать точно не придется. На этот раз ей может позавидовать сама Шахерезада. Читателя ждут магический детектив и волшебная сказка, коварство и любовь, похищение принцессы (и не одной), заоблачные края и воздушный замок, знойные пустыни и лесные чащи, разбойники и волшебники, а также уже знакомые герои «Ходячего замка».Жил да был в далекой южной стране юноша по имени Абдулла. Он торговал на базаре коврами, но больше всего на свете любил строить воздушные замки, грезить о чудесах и мечтать о женитьбе на прекрасной принцессе. Но не успел Абдулла и впрямь обзавестись волшебным ковром-самолетом и познакомиться с самой что ни на есть настоящей принцессой, как спокойная жизнь кончилась: прелестную Цветок-в-Ночи тут же похитил ужасный ифрит. И начались захватывающие приключения… Вскоре Абдулла волей-неволей выяснил, что воздушные замки бывают более чем реальны, а люди (и не только люди), которые встречаются тебе в странствиях, – вовсе и не те, кем кажутся на первый взгляд!

© Джонс Д. У., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

Глава первая, в которой Абдулла приобретает ковер 8
Глава вторая, в которой Абдуллу принимают за юную даму 15
Глава третья, в которой Цветок-в-Ночи узнает кое-что важное 19
Глава четвертая, касающаяся брака и пророчества 26
Глава пятая, в которой повествуется о том, как отец Цветка-в-Ночи пожелал вознести Абдуллу над всеми жителями земли 33
Глава шестая, которая показывает, как Абдулла попал из огня да в полымя 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Диана Уинн Джонс
Воздушный замок

DIANA WYNNE JONES
CASTLE IN THE AIR
Castle in the Air © Diana Wynne Jones 1990
All rights reserved

This edition is published by arrangement with
Laura Cecil Literary Agency and The Van Lear Agency

Иллюстрации *Елены Гозман*
Иллюстрация на обложке *Антона Ломаева*

© А. Бродоцкая, перевод, 2006
© А. Ломаев, илл. на обл., 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Франческе

Глава первая, в которой Абдулла приобретает ковер

Далеко к югу от Ингарийских земель, в Султанатах Рашпухта, в городе Занзибе жил да был юный торговец коврами по имени Абдулла. Был он небогат, как это часто случается с торговцами. Отец его, разочаровавшись в сыне, отписал ему по завещанию ровно столько денег, чтобы хватило на скромную палатку в северо-западном уголке Базара и на кое-какой товар. Остаток отцовских денежек и великолепная ковровая лавка в самом центре Базара отошли к родне первой жены отца.

Никто не позаботился объяснить Абдулле, почему, собственно, отец в нем разочаровался. Каким-то образом это было связано с пророчеством, полученным при рождении Абдуллы. Выяснять подробности Абдулле было лень. Вместо этого с ранних лет он принялся мечтать о том, что бы это могло быть. В мечтах Абдулла видел себя потерявшимся сыном владетельного князя – из чего, само собой, неопровержимо следовало, что его отец на самом деле не был его отцом. Подобные мечты – почти всегда самые что ни на есть воздушные замки, и Абдулла прекрасно это понимал. Все кругом твердили, что он вылитый отец. Глядя в зеркало, он видел несомненно красивого молодого человека с узким ястребиным лицом и вспоминал, что как две капли воды похож на портрет отца в юности – с той лишь разницей, что у отца к тому времени уже были роскошные усы, а Абдулла по сю пору ежеутренне соскребал с верхней губы шесть волосков, не теряя надежды, что вскоре число их увеличится.

К несчастью, все кругом твердили еще и о том, что характер Абдулла унаследовал от матушки – второй жены отца. Она была женщина робкая и мечтательная и разочаровала все семейство. Абдуллу это особенно не тревожило. Жизнь торговца коврами предоставляет относительно мало возможностей проявить отвагу, и это в общем и целом Абдуллу устраивало. Палатка у него была малюсенькая, но расположена оказалась удачно – недалеко от Западных кварталов, где в громадных домах, окруженных прекрасными садами, жили богачи. И, что еще лучше, именно с этой стороны на Базар обычно заходили ковроделы, которые прибывали в Занзиб через пустыню на севере. Обычно и ковроделы, и богачи направлялись в солидные заведения в центре Базара, однако у палатки юного торговца коврами они останавливались на удивление часто, особенно если упомянутый юный торговец кидался им наперерез, с невероятно изысканной учтивостью предлагая им сделки и скидки.

Поэтому Абдулле нередко удавалось перекупать наилучшие ковры, пока их никто не видел, и выгодно их продавать. В свободное от купли-продажи время он посиживал в палатке и строил воздушные замки, что ему страшно нравилось. По правде говоря, жизнь Абдуллы омрачала лишь родня первой жены отца, неизменно навещавшая юного торговца раз в месяц, чтобы поставить на вид всевозможные недочеты.

– Ты пускаешь на ветер всю прибыль! – вскричал в один судьбоносный день сын брата первой жены отца Абдуллы Хаким (которого Абдулла недолюбливал).

Абдулла терпеливо объяснил, что если ему случается получить прибыль, то на эти деньги он обычно покупает хороший ковер. Так что, поскольку он вкладывает всю прибыль в товар, товар этот становится все лучше и лучше. На жизнь ему хватает. К тому же, как сказал он отцовской родне, больше ему и не нужно – ведь он не женат.

– Так женись! – вскричала сестра первой жены отца Абдуллы Фатима (которую Абдулла недолюбливал еще сильнее). – Я уже говорила и снова скажу – молодому человеку вроде тебя и в твоем возрасте положено иметь не меньше двух жен! – И так как просто высказаться на этот счет Фатиме было недостаточно, она провозгласила, что на сей раз она лично займется поисками жен для Абдуллы, отчего Абдулла содрогнулся с макушки до пят.

– И чем более ценный у тебя товар, тем скорее тебя ограбят, а еще, чего доброго, пожар может приключиться, и всему конец, – ты об этом думал? – проворчал сын дяди первой жены

отца Абдуллы Ассиф (этого человека Абдулла ненавидел сильнее, чем первых двух, вместе взятых).

Абдулла заверил Ассифа, что всегда спит в палатке и предельно осторожно обращается со светильниками. На что все три родича первой жены его отца покачали головами, поцокали языками и удалились. Обыкновенно это означало, что они оставили его в покое на ближайший месяц. Абдулла вздохнул с облегчением и погрузился обратно в свои мечты.

К этому времени мечты были продуманы в мельчайших подробностях. В них Абдулла был сыном властительного князя, который жил в далекой восточной стране, такой далекой, что в Занзибе не подозревали о ее существовании. Но в два года Абдуллу похитил свирепый разбойник по имени Кабул Акба. У Кабула Акбы был крючковатый нос, похожий на клюв хищной птицы, а в ноздре он носил золотое кольцо. На поясе у него висела инкрустированная серебром кобура с пистолетом, которым он грозил Абдулле, а в тюрбане пламенел алый камень, придававший своему владельцу нечеловеческое могущество. Абдулла так перепугался, что убежал в пустыню, где его и нашел тот человек, которого он теперь считает своим отцом. Мечты не учитывали тот неоспоримый факт, что отец Абдуллы в жизни не бывал в пустыне: он постоянно твердил, что все, кто отваживается выйти за пределы Занзиба, определенно не в своем уме. Тем не менее Абдулла отчетливо представлял себе каждый кошмарный дюйм этого пути – и как ему было жарко, и как пересохло во рту, и как болели ноги, пока он не набрел на доброго торговца коврами. И дворец, откуда его похитили, он видел до последней черточки: и тронный зал с колоннами, вымощенный зеленым порфиром, и женскую половину, и кухни – все несказанно богатое. На крыше дворца было семь куполов, крытых чеканным золотом.

Однако с течением времени мечты сосредоточились в основном на принцессе, с которой Абдуллу обручили еще при рождении. Она была не менее знатного рода, чем сам Абдулла, и за годы его отсутствия выросла поразительной красавицей с правильными чертами лица и огромными темными глазами с поволокой. Жила она во дворце, таком же роскошном, как и дворец Абдуллы. Идти к нему надо было по аллее, уставленной статуями небожителей, а вход располагался за чередой семи беломраморных двориков, в каждом из которых бил фонтан – чем дальше, тем дороже и великолепней, начиная с хризолитового и кончая платиновым с изумрудами.

Но в тот день Абдулла вдруг понял, что все это его не очень устраивает. Это чувство часто возникало у него после визитов родни первой жены отца. Ему пришло в голову, что у приличного дворца должны быть великолепные сады. Сады Абдулла любил, хотя почти ничего о них не знал. В основном его впечатления основывались на занзибских парках, где газоны были повытоптаны, а цветы немногочисленны, – там Абдулла проводил обеденный час, когда мог себе позволить заплатить соседу, одноглазому Джамалу, чтобы тот присмотрел за палаткой. У Джамала была жаровня, и за медяк-другой он привязывал перед входом в палатку Абдуллы своего пса. Абдулла понимал, что выдумать подобающий сад он не в состоянии, но, поскольку все, что угодно, было лучше, чем думать о двух женах, которых приискивала ему Фатима, он углубился в колышущуюся зелень и благоуханные закоулки садов своей принцессы.

Впрочем, углубиться ему не дали. Не успел Абдулла войти во вкус, как его вернул к действительности высокий грязный человек с потертым ковром.

– Покупаешь ли ковры на продажу, о потомок великого рода? – спросил незнакомец, коротко поклонившись.

Для того, кто хочет продать ковер в Занзибе, где продавцы и покупатели обращаются друг к другу как можно учтивей и цветистей, манеры этого человека были удручающе сухи. Правда, Абдулла и без этого был раздосадован – ведь его мечты рассыпались в прах под напором реальной жизни.

– Так оно и есть, о король пустыни. Не желаешь ли заключить сделку с таким ничтожным торговцем, как твой покорный слуга?

– Сделку, о владыка склада циновок? – переспросил незнакомец.

«Циновок?!» – ахнул про себя Абдулла. Это было оскорбление. Среди ковров и гобеленов, выставленных перед палаткой Абдуллы, было редчайшее стеганое покрывало с растительным орнаментом из самой Ингарии – или Очинстана, как называли эту страну в Занзибе, – а внутри нашлось бы по меньшей мере два ковра, из Инхико и из Фарктана, которыми и сам Султан не побрезговал бы украсить какие-нибудь небольшие комнаты в своем дворце. Но высказать это вслух Абдулла, конечно, не мог. Занзибские правила хорошего тона не позволяют хвалить самого себя. Вместо этого Абдулла отвесил прохладный поклон.

– Буду безмерно счастлив, если моя убогая палатка с ее непритязательными скудными запасами окажется тебе по душе, о адамант среди странников, – сказал он и критически смерил взглядом пропыленный плащ незнакомца, ржавую серьгу у него в ноздре и потрепанное головное покрывало.

– Они более чем непритязательны, о великий продавец напольных покрытий, – согласился незнакомец. Он взмахнул потертым ковром в сторону Джамала, который в синих клубах рыбного дыма жарил кальмаров. – Неужели достойная всяческого уважения деятельность твоего соседа не оказывает влияния на твои склады, сообщая им стойкий аромат осьминога? – поинтересовался он.

Абдулла внутренне так вскипел от ярости, что вынужден был с подобострастным видом сложить ладони, чтобы скрыть ее. О подобных вещах говорить не принято. А легкий запах кальмаров не повредил бы, пожалуй, той тряпке, которую пытается продать незнакомец, подумал Абдулла, оглядывая бурый вытертый коврик в руках собеседника.

– Твой покорный слуга прилежно окуривает внутренность своей палатки дорогими благовониями, о князь мудрости, – произнес он. – Быть может, достославная чувствительность княжеского носа все же позволит ничтожному торговцу продемонстрировать свой товар?

– А как же, о лилия среди скумбрий, – скривился незнакомец. – Иначе зачем я тут столько торчу?

Пришлось Абдулле раздвинуть занавески и пригласить незнакомца в палатку. Там он зажег светильник, свисавший с центрального шеста, а принюхавшись, решил, что благовония на этого человека тратить не стоит. В палатке и так достаточно сильно пахло вчерашней вербеной.

– Какую же драгоценность ты намерен развернуть пред моими недостойными глазами? – недоверчиво спросил он.

– Вот эту, о скупщик сокровищ! – отвечал человек и хитроумным движением руки ловко разостлал ковер по полу.

Абдулла тоже так умел. Торговцам коврами подобные фокусы известны. Поэтому потрясен он не был. Он спрятал руки в рукава, словно вышколенный раб, и осмотрел товар. Ковер был небольшой. В развернутом виде он казался еще более потертым, чем представлялось Абдулле поначалу, хотя узоры выглядели необычно – или выглядели бы, не будь они так выношены. К тому же ковер был страшно грязный, а края обтрепаны.

– Увы, за эту многоцветнейшую из циновок бедный купец способен выложить лишь три медяка, – заключил Абдулла. – Таковы предельные возможности моего тощего кошелька. Времена нынче трудные, о властитель множества верблюдов. Приемлема ли такая цена?

– Я прошу ПЯТЬСОТ, – объявил незнакомец.

– Пятьсот *чего*? – уточнил Абдулла.

– ЗОЛОТЫХ, – добавил незнакомец.

– Повелитель всех пустынных разбойников расположен шутить? – спросил Абдулла. – Или, по его мнению, в моей скромной палатке нет ничего, кроме запаха жареных кальмаров, и он предпочтет удалиться и найти более состоятельного покупателя?

– Да нет, пожалуй, – отвечал незнакомец. – Хотя, если тебе неинтересно, я, пожалуй, пойду, о сосед салаки. Само собой, ковер этот волшебный.

Подобное Абдулла уже слыхивал. Он поклонился, прижав к груди спрятанные в рукавах руки.

– Говорят, будто ковры обладают многочисленными и разнообразными достоинствами, – согласился он. – Каковы же удивительные свойства этой циновки, по мнению поэта песков? Приветствует ли она обладателя при возвращении в шатер? Приносит ли она мир домашнему очагу? Или, возможно, – сказал он, многозначительно потрогав обтрепанный край носком туфли, – она обладает свойством никогда не стареть?

– Этот ковер летает, – сообщил незнакомец. – Он летит туда, куда велит владелец, о скуднейший из скудных умов.

Абдулла поднял взгляд на мрачное лицо незнакомца, на котором пустыня проложила глубокие морщины. Из-за усмешки морщины стали еще глубже. Абдулла понял, что этот человек не нравится ему даже больше, чем сын дяди первой жены отца.

– Тебе придется убедить этого недоверчивого негоцианта в правдивости своих слов, – проговорил он. – Сначала мы подвергнем ковер соответствующему испытанию, а уж потом, о лучший из лукавцев, можно будет подумать о сделке.

– Охотно, – сказал высокий незнакомец и шагнул на ковер.

В этот миг у жаровни по соседству произошло одно из обыкновенных недоразумений. Наверное, уличные мальчишки опять примерились стянуть кальмаров. Так или иначе, пес Джамала загавкал, разные люди, и в их числе Джамал, завопили, а грохот сковородок и шипенье горячего жира заглушили и то и другое.

Торговля в Занзибе – стиль жизни. Абдулла не позволил себе ни на миг отвлечься от незнакомца с его ковром. Не исключено, что этот человек подкупил Джамала специально для того, чтобы отвлечь Абдуллу. Он упоминал Джамала достаточно часто, словно не забывал о нем. Абдулла не сводил глаз с высокой фигуры и особенно с грязных ног на ковре. Однако уголок глаза он все же приберег для лица незнакомца и увидел, что губы у него движутся. Чуткие уши Абдуллы уловили слова «два фута вверх», несмотря на гомон по соседству. За тем, как ковер плавно взмыл с пола и замер на уровне коленей Абдуллы, так что поношенное головное покрывало незнакомца едва не коснулось потолка палатки, Абдулла наблюдал еще более внимательно. Он тщательно исследовал ковер с изнанки на предмет потайных веревок. Он пошарил в воздухе – не приделаны ли искусно к потолку какие-нибудь шнуры. Он взялся за светильник и покачал его из стороны в сторону, чтобы посветить и на ковер, и под него.

Пока Абдулла производил проверку, незнакомец стоял на ковре, скрестив руки на груди и укрепив на лице усмешку.

– Видишь? – спросил он. – Удовлетворен ли наидотошнейший из неверов? Стою я в воздухе или нет?

Ему приходилось кричать. Снаружи оглушительно галдели.

Абдулле пришлось признать, что ковер, по всей видимости, действительно висит в воздухе и никаких потайных механизмов в нем не имеется.

– Почти удовлетворен! – крикнул он в ответ. – В продолжение представления тебе придется сойти на пол, а мне – полетать на твоем ковре!

– Зачем? – нахмурился незнакомец. – Что прочие твои чувства могут добавить к свидетельству глаз, о саламандра сомнений?

– А вдруг этот ковер приучен к твоему голосу? – возопил Абдулла. – Как некоторые собаки!

Пес Джамала заливался снаружи, так что эта мысль пришла Абдулле в голову сама собою. Пес Джамала кусал всякого, кто прикасался к нему, кроме самого Джамала.

Незнакомец вздохнул.

– Вниз, – велел он, и ковер мягко спланировал на пол. Незнакомец сошел с него и с поклоном кивнул на ковер Абдулле. – Он в твоем распоряжении, проверяй, о падишах прижимистости.

Абдулла с некоторым волнением ступил на ковер.

– Поднимись на два фута, – приказал он – или скорее проревел.

Судя по воплям, теперь к жаровне Джамала сбежалась Городская Стража. Стражники бряцали оружием и громогласно требовали, чтобы им немедленно все объяснили.

Ковер Абдуллу послушался. Он взмыл на два фута так стремительно, что у Абдуллы екнуло в животе. Абдулла поспешно сел. Сидеть на ковре было невероятно удобно. Он был как очень туго натянутый гамак.

– Мой прискорбно медлительный ум склоняется к доверию, – признался он незнакомцу. – Так сколько ты просишь, о образец щедрости? Двести серебром?

– Пятьсот золотых, – поправил его незнакомец. – Вели ковру спуститься, и мы все обсудим.

– Вниз, и ляг на пол, – приказал Абдулла ковру, и ковер так и поступил, лишив Абдуллу последних подозрений, что-де незнакомец успел что-то пробормотать, когда Абдулла в первый раз встал на ковер, и его слова заглушил гомон по соседству. Абдулла вскочил на ноги, и торговля началась.

– В моем кошельке лишь сто пятьдесят золотых, – поведал он, – и то если я вытрясу его и еще пошарю по швам.

– Что ж, тогда достань другой кошелек или даже пошарь под тюфяком, – отвечал незнакомец, – ибо предел моей щедрости – четыреста девяносто пять золотых, а дешевле я ковер не продам даже при крайней нужде.

– Что ж, я могу достать еще сорок пять золотых из подметки моей левой туфли, – продолжал Абдулла, – и это жалкие последыши моего былого богатства, которые я берег на случай исключительных обстоятельств…

– Посмотри в правой туфле, – посоветовал незнакомец. – Четыреста пятьдесят.

И так далее. Час спустя незнакомец покинул палатку с двумястами десятью золотыми, сделав Абдуллу счастливым владельцем самого что ни на есть настоящего – пусть и вытертого – ковра-самолета. Абдулле по-прежнему не верилось. Он не мог представить себе, чтобы кто угодно, даже пустынник-аскет, расстался с настоящим ковром-самолетом, пусть и истрепанным, меньше чем за четыре сотни золотых. Такая полезная вещь – лучше верблюда, ведь кормить ковер не нужно, – а цена хорошему верблюду четыреста пятьдесят, и никак не меньше!

Здесь таился подвох. Абдулла слышал про один такой трюк. Обычно его проделывали с конями или собаками. Приходит некто и поразительно дешево продает доверчивому крестьянину или же охотнику поистине замечательное животное, объясняя, что оказался на грани голодной смерти. Обрадованный крестьянин (или же охотник) на ночь помещает коня на конюшню (или же пса на псарню). К утру животное сбегает, поскольку его научили выскальзывать из уздечки (или же ошейника), и к вечеру следующего дня возвращается к хозяину. Абдулле подумалось, что послушный ковер можно научить чему-то подобному. Поэтому, прежде чем покинуть палатку, Абдулла тщательно обернул ковер вокруг одного из шестов, под-

пиравших потолок, и обмотал его целым клубком бечевки, концы которой привязал к железному колышку в углу.

– Теперь не сбежишь, – сказал он ковру и отправился поглядеть, что там с жаровней.

У жаровни было тихо и прибрано. Джамал сидел за прилавком, скорбно обнимая пса.

– Что случилось? – спросил Абдулла.

– Негодные мальчишки раскидали всех кальмаров, – пожаловался Джамал. – Все, что наготовил на целый день, – в грязи, затоптано, пропало!

Абдулла был так доволен покупкой, что дал Джамалу две серебряные монетки на новых кальмаров. Джамал разрыдался от благодарности и обнял Абдуллу. Его пес не только не стал кусать Абдуллу, но даже лизнул ему руку. Абдулла заулыбался. Жизнь была прекрасна. Посвистывая, он отправился вкусно поужинать, а пес остался сторожить палатку.

А когда вечер залил алым светом купола и минареты Занзиба, Абдулла вернулся, по-прежнему посвистывая, полный надежд продать ковер самому Султану за неимоверную цену. Ковер был на месте. А не лучше ли будет найти подход к великому визирю, думал Абдулла, умываясь. А не пожелает ли визирь преподнести ковер Султану в подарок? Тогда можно будет запросить еще больше… При мысли о том, каким дорогим стал ковер, Абдулла снова заволновался, поскольку вспомнил о конях, подученных убегать из конюшен. Переодеваясь в ночную рубашку, Абдулла так и видел, как ковер выворачивается из пут и улетает прочь. Ковер был старый, вытертый и гибкий. Выучка у него наверняка хорошая. Ему ничего не стоит выскользнуть из-под бечевки. А даже если он и не сможет выскользнуть, все равно Абдулле теперь не уснуть до рассвета.

В конце концов Абдулла осторожно разрезал бечевку и расстелил ковер на кипе самых дорогих циновок, которая всегда служила ему постелью. Затем Абдулла натянул ночной колпак – без этого было нельзя, ведь ночью со стороны пустыни дул холодный ветер и по палатке гуляли сквозняки, – укрылся одеялом, задул светильник и уснул.

Глава вторая, в которой Абдуллу принимают за юную даму

Он проснулся и обнаружил, что лежит на пригорке – по-прежнему на ковре – в таком прекрасном саду, что ничего подобного он и вообразить не мог.

Абдулла был уверен, что это сон. Вот он, сад, который Абдулла пытался представить себе как раз тогда, когда ему помешал незнакомец с ковром. Луна здесь была почти полная и плыла в небесах, заливая густым, как белила, светом сотни ароматных крошечных цветов в траве вокруг ковра. На деревьях висели круглые желтые фонари, рассеивая густые черные тени, оставленные лунным светом. Абдулла решил, что это очень правильное решение. В смешении желтого и белого сияния за лужайкой, на которой лежал Абдулла, был прекрасно виден густой плющ, увивающий изящные колонны галереи, а откуда-то издалека доносилось журчание невидимой воды.

Журчание навевало такую небесную прохладу, что Абдулла поднялся и отправился искать источник, для чего пришлось пройти по галерее, где лицо ему ласкали звездчатые цветы, белоснежные и сверкающие в лунном свете, а громадные колокольчики дурманили его нежнейшим из ароматов. Абдулла погладил огромную упругую лилию и двинулся в дивную долину чайных роз. Такой прекрасный сон снился ему впервые.

За густыми, похожими на папоротники кустами, усеянными росой, Абдулла обнаружил источник – оказалось, что это скромный мраморный фонтан посреди другой лужайки, залитой светом гирлянд из фонариков, развешанных по кустам, отчего струйки воды казались чудесными золотыми и серебряными полумесяцами. Абдулла в восторге кинулся к фонтану.

Лишь одного не хватало ему для полного счастья, и, как бывает в самых прекрасных снах, оно сразу и нашлось. По лужайке навстречу Абдулле шла, мягко ступая по густой траве босыми ножками, невозможно прелестная девушка. Воздушные одеяния позволяли заметить, что она стройна, но вовсе не худа – в точности как принцесса, о которой мечтал Абдулла. Когда девушка приблизилась, Абдулла увидел, что личико у нее не такое правильное и овальное, каким должно было быть лицо его принцессы, а в огромных темных глазах не было и следа поволоки. Напротив, они смотрели на него с живым интересом. Абдулла поспешно внес в свои мечты соответствующие поправки, поскольку девушка была очень, очень красива. А когда она заговорила, ее голос отвечал всем его мечтаниям – он был легок и весел, словно журчание фонтана, но одновременно решителен и тверд.

– Ты что, новая разновидность служанки? – спросила девушка.

Абдулла подумал, что в снах часто задают странные вопросы.

– Нет, о шедевр моего воображения, – ответил он. – Знай же – я потерянный сын чужеземного князя…

– А, – кивнула она. – Тогда другое дело. Значит ли это, что ты не такая же женщина, как я?

Абдулла в некотором изумлении уставился на девушку своей мечты.

– Я не женщина! – воскликнул он.

– Правда? – усомнилась она. – На тебе платье.

Абдулла опустил взгляд и обнаружил, что, как часто бывает во сне, на нем действительно ночная рубашка.

– Это такое чужеземное одеяние, – поспешно сказал он. – Моя родина очень далеко отсюда. Заверяю тебя, я мужчина.

– Нет, – возразила девушка. – Не может быть. Ты совсем иначе выглядишь. Мужчины вдвое толще тебя в обхвате, а на животе у них жир, который называется брюшком. Лица у них сплошь покрыты седыми волосами, а на голове гладкая блестящая кожа. А у тебя на голове

волосы, как у меня, а на лице их почти нет. – Когда же Абдулла не без возмущения коснулся шести волосков на верхней губе, девушка спросила: – Может быть, у тебя под шапкой тоже голая кожа?

– Разумеется нет! – воскликнул Абдулла, гордившийся своей густой волнистой шевелюрой. Он поднял руку и стянул с головы то, что оказалось ночным колпаком.

– А, – сказала девушка. Личико у нее стало озадаченное. – У тебя волосы почти такие же красивые, как и у меня. Не понимаю.

– Кажется, я тоже, – признался Абдулла. – А не вышло ли случайно так, что ты видела слишком мало мужчин?

– Конечно мало, – отвечала девушка. – Как же можно! Разумеется, из мужчин я видела только отца! Но видела я его столько раз, что знаю, о чем говорю!

– А… разве, ты никогда не выходила из дому? – растерянно спросил Абдулла.

Она рассмеялась:

– Но я же сейчас не в доме! Это мой ночной сад. Отец велел разбить его, чтобы солнце не погубило мою красоту.

– Я хотел сказать – в город, на людей посмотреть? – поправился Абдулла.

– Честно говоря, пока нет, – сказала красавица. Эта мысль, по всей видимости, ее тревожила, – во всяком случае, девушка отвернулась и присела на край фонтана. Снова взглянув на Абдуллу, она продолжила: – Отец говорит, что когда я выйду замуж, то смогу иногда выходить в город, если, конечно, муж не будет против, только это будет другой город. Отец хочет выдать меня за принца из Очинстана. А до тех пор, само собой, мне нельзя покидать эти стены.

Абдулла слышал, что некоторые занзибские богачи держат своих дочерей – и даже жен – будто в темницах и запрещают им покидать дворцы. Ему частенько приходило в голову, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь так упрятал Фатиму, сестру первой жены его отца. Однако сейчас, в этом прекрасном сне, ему казалось, что обычай этот совершенно возмутителен и бесчестен по отношению к такой прелестной девушке. Ничего себе – она даже не знает, как выглядит нормальный молодой мужчина!

– Извини, что спрашиваю, но разве очинстанский принц не староват для тебя и не страшноват с виду? – осторожно поинтересовался он.

– Ну, – с явным сомнением протянула девушка, – отец говорит, что принц сейчас в самом расцвете сил, как и он сам. Но я полагаю, все дело в звериной природе мужчин. Отец говорит, что если какой-нибудь мужчина увидит меня прежде, чем я покажусь принцу, то сразу влюбится и похитит меня, а это, естественно, нарушит все отцовские планы. Отец говорит, все мужчины – звери. Ты зверь?

– Ни в малейшей степени! – возмутился Абдулла.

– Так я и думала, – кивнула девушка и озабоченно посмотрела на него. – Мне тоже не кажется, что ты зверь. И это представляется мне дополнительным аргументом в пользу того, что на самом деле ты не мужчина. – Видимо, девушка принадлежала к тем людям, кто, раз измыслив теорию, от нее не отступается. Подумав с минутку, она спросила: – А не могло получиться так, что твое семейство по каким-то причинам взрастило тебя в неведении относительно твоей истинной природы?

Абдулла едва не воскликнул: «На себя посмотри!» – но, поскольку это было бы вопиющей неучтивостью, он просто мотнул головой, с умилением думая, как это любезно с ее стороны – тревожиться о нем и как эта тревога красит ее прелестное личико.

– Вероятно, это как-то связано с твоим чужеземным происхождением, – предположила она и похлопала по бортику фонтана рядом с собой. – Присядь и расскажи мне, откуда ты родом.

– Сначала назови мне свое имя, – попросил Абдулла.

– Оно довольно глупое, – смутилась девушка. – Меня зовут Цветок-в-Ночи.

Абдулла подумал, что для девушки его мечты ничего лучше и придумать нельзя. Он с обожанием взглянул на нее.

– А меня – Абдулла, – сказал он.

– Надо же, – возмущенно воскликнула Цветок-в-Ночи, – тебе даже дали мужское имя! Сядь же и все мне расскажи.

Абдулла присел на мраморный бортик рядом с ней и подумал, что сон его необычайно правдоподобен. Камень был холодный. Брызги из фонтана намочили ему рубашку, а сладкий аромат розовой воды, исходивший от Цветка-в-Ночи, весьма реалистично мешался с благоуханием садовых цветов. Но это был сон, а следовательно, мечты Абдуллы здесь становились самой настоящей правдой. Поэтому Абдулла рассказал девушке и о дворце, в котором жил, когда был принцем, и о том, как его похитил Кабул Акба, и о том, как ему удалось сбежать в пустыню, где его нашел торговец коврами.

Цветок-в-Ночи слушала его, затаив дыхание.

– Ужасно! Невероятно! – воскликнула она наконец. – А не мог ли твой отец, чтобы обмануть тебя, вступить в сговор с разбойниками?

Несмотря на то что это был всего лишь сон, Абдулле все отчетливее казалось, что он добивается сочувствия девушки нечестными путями. Он согласился, что отец мог и подкупить Кабула Акбу, и сменил тему.

– Вернемся же к твоему отцу и его планам, – предложил он. – Думается мне, выйдет несколько неловко, если тебе придется стать женой этого очинстанского принца, так и не повидав других мужчин и не имея возможности ни с кем его сравнить. Как же ты узнаешь, любишь ты его или нет?

– Да, ты прав, – кивнула она. – Меня это тоже очень тревожит.

– Так вот что я тебе скажу, – воодушевился Абдулла. – А что, если я вернусь сюда завтра ночью и принесу тебе столько портретов мужчин, сколько сумею разыскать? Это поможет тебе выработать некоторое представление о мужчинах в целом и впоследствии составить мнение об очинстанском принце. – Сон это был или не сон, а между тем Абдулла ничуточки не сомневался, что завтра вернется сюда. А портреты – удобный предлог.

Цветок-в-Ночи обдумала его предложение, обхватив колени и с сомнением покачиваясь взад-вперед. Абдулла так и видел, как перед ее внутренним взором шествуют шеренги лысых толстяков с седыми бородами.

– Уверяю тебя, мужчины бывают самых разных видов и размеров, – заверил он ее.

– Что ж, в таком случае это окажется весьма поучительно, – согласилась Цветок-в-Ночи. – По крайней мере, у меня будет предлог снова с тобой увидеться. Мне нечасто приходилось видеть таких симпатичных людей, как ты.

Это преисполнило Абдуллу еще большей решимости вернуться сюда завтра. Он сказал себе, что было бы нечестно оставлять бедную девушку прозябать в таком невежестве.

– И я про тебя тоже так думаю, – смутился он.

При этих словах Цветок-в-Ночи, к его величайшему огорчению, поднялась, чтобы уйти.

– Мне пора возвращаться домой, – объявила она. – Первый визит длится не более получаса, а мы с тобой разговаривали наверняка вдвое дольше. Но теперь мы знакомы, и в следующий раз можешь пробыть здесь по меньшей мере два часа.

– Спасибо, обязательно, – пролепетал Абдулла.

Она улыбнулась и растаяла, словно сон, удалившись за фонтан и за два пышнейших цветущих куста.

И тогда и лунный свет, и сад, и ароматы потускнели и поблекли. Абдулле осталось только побрести восвояси. И вот на обратном пути, на залитом луной пригорке, он обнаружил ковер. Абдулла совсем забыл о нем. Но раз уж ковер тоже оказался во сне, Абдулла прилег на него и задремал.

Проснулся он несколько часов спустя от яркого дневного света, хлынувшего сквозь щели его палатки. Витавшие в воздухе запахи позавчерашних благовоний показались ему дешевыми и душными. Да и вся палатка была теперь затхлой, душной и дешевой. К тому же у Абдуллы заболело ухо, потому что ночной колпак у него свалился. Однако, как заметил Абдулла, шаря там и тут в поисках колпака, ковер никуда не делся. Абдулла по-прежнему на нем лежал. Это было единственное светлое пятно в его скучной и бессмысленной жизни.

Тут Джамал, преисполнившийся благодарности за две вчерашние монетки, крикнул снаружи, что приготовил завтрак на двоих. Абдулла с радостью раздвинул занавески у входа. Вдали пели петухи. Небо было голубое и сверкающее, и лучи ослепительного сияния, пробившись в палатку, пронзали голубую пыль и дым старых благовоний. Даже при таком ярком свете найти колпак Абдулле не удалось. Жизнь стала еще мрачнее.

– Скажи, случалось ли тебе по временам чувствовать необъяснимую печаль? – спросил он Джамала, когда они уселись, скрестив ноги, позавтракать на солнышке.

Джамал нежно потчевал пса кусочком глазированной булочки.

– Если бы не ты, я был бы печален сегодня, – сказал он. – Сдается мне, кто-то подкупил этих мерзких воришек, чтобы они стащили у меня кальмаров. Так ловко у них все получилось! И мало того – Стража меня оштрафовала. Я говорил тебе? Друг мой, думаю, у меня появились враги.

Хотя это подтвердило подозрения Абдуллы относительно продавшего ковер незнакомца, но ничего не прояснило.

– Быть может, – предположил он, – тебе следует внимательнее приглядеться, кого кусает твой пес?

– Нет-нет! – воспротивился Джамал. – Я – убежденный противник насилия. Если пес решит искусать все человечество, кроме меня самого, я не стану ему препятствовать.

После завтрака Абдулла еще немного поискал колпак. Колпак попросту исчез. Абдулла попытался вспомнить, когда же он на самом деле надевал его в последний раз. Это было накануне вечером, когда Абдулла думал о том, как бы продать ковер великому визирю. После этого ему приснился сон. Во сне на нем был колпак. Абдулла помнил, как снял его, чтобы похвастаться Цветку-в-Ночи (какое прелестное имя!) шевелюрой. С тех пор, насколько он мог вспомнить, колпак был у него в руке, пока он не присел рядом с красавицей на краешек фонтана. Затем Абдулла рассказывал ей о том, как его похитил Кабул Акба, и при этом, как ему ясно помнилось, размахивал обеими руками, а значит, колпака в них не было. Во сне предметы часто исчезают, это Абдулла знал, однако все свидетельствовало о том, что он уронил колпак, когда садился на край фонтана. Неужели он оставил его валяться на траве? Но тогда…

Абдулла окаменел, стоя посреди палатки и глядя на солнечные лучи, в которых, вот странность, не было больше видно уродливых следов пыли и старых благовоний. Нет – теперь это были золотые ломти небес.

– Так это был не сон! – воскликнул Абдулла.

Дурное настроение как рукой сняло. Даже дышать стало легче.

– Это была правда! – добавил он.

И повернулся, чтобы задумчиво поглядеть на ковер-самолет. Он ведь тоже был во сне. А это значит…

– Выходит, пока я спал, ты перенес меня в сад какого-то богача! – сказал Абдулла ковру. – Должно быть, я заговорил во сне и велел тебе это сделать. Скорее всего. Я думал о садах. Так ты куда ценнее, чем я считал!

Глава третья, в которой Цветок-в-Ночи узнает кое-что важное

Абдулла снова аккуратно привязал ковер к шесту и отправился на Базар, где и отыскал лавку самого искусного из промышлявших там разнообразных художников.

После положенных вступительных церемоний, в ходе которых Абдулла назвал художника королем кисти и кудесником красок, а художник горячо возражал, уподобив Абдуллу зефиру среди заказчиков, а его глаза – алмазу среди глаз, Абдулла перешел к делу:

– Мне нужны портреты всех мужчин, которые вам встречались, – всех видов и размеров. Нарисуй мне царей и нищих, купцов и ремесленников, толстых и худых, молодых и старых, красивых и уродливых, а также ничем не примечательных. Если кого-то из них ты не видел, прошу тебя выдумать их, о падишах палитры. А если воображение твое подведет тебя, в чем я сильно сомневаюсь, о халиф среди художников, что ж – обрати взор свой на площадь, гляди и рисуй!

Абдулла взмахнул рукой в сторону буйно бурлящей толпы покупателей на Базаре. Он едва не прослезился, поняв, что Цветок-в-Ночи никогда, никогда не видела столь заурядного зрелища.

Художник с сомнением провел рукою по клочковатой бороде.

– Разумеется, о благородный почитатель мужественности, с этим я справлюсь без труда, – произнес он. – Но не соблаговолит ли рубин рассудительности сообщить этому ничтожному рисовальщику, зачем ему понадобились все эти мужские портреты?

– А для чего малахит мольберта желает это знать? – спросил Абдулла, несколько смутившись.

– Само собой, патриарх покупателей поймет этого скрюченного червя, если тот скажет, что должен выбрать материал для работы, – отвечал художник. На самом-то деле ему просто было любопытно, зачем понадобился такой странный заказ. – Стану ли я писать маслом по холсту либо дереву, или рисовать пером по бумаге либо пергаменту, или даже создавать фреску на стене – зависит от того, как поборнику правдоподобия угодно поступить с этими портретами.

– А! На бумаге, пожалуйста, – поспешно сказал Абдулла. Ему вовсе не хотелось распространяться о встрече с Цветком-в-Ночи. Ему было ясно, что ее отец наверняка человек очень богатый и станет возражать, если юный торговец коврами покажет его дочери других мужчин, помимо очинстанского принца. – Эти портреты – для одного калеки, который ни разу в жизни не покидал дома.

– Тогда ты еще и магараджа милосердия, – рассудил художник и согласился нарисовать портреты за поразительно низкую цену. – Нет, нет, о избранник судьбы, не надо меня благодарить, – отмахнулся он, когда Абдулла попытался выразить свою признательность. – Причин у меня три. Во-первых, у меня хранится множество портретов, которые я делал для собственного удовольствия, и нечестно было бы просить с тебя плату за них – ведь я бы все равно их нарисовал. Во-вторых, твое задание вдесятеро увлекательней моей обычной работы, заключающейся в рисовании портретов юных дам, их женихов, коней или верблюдов, причем так, чтобы вне зависимости от истинного положения дел выходили они красиво, или в изображении выводков чумазых детишек, чьи родители желают, чтобы они выглядели сущими ангелами, – и снова вне зависимости от истинного положения дел. А в-третьих, сдается мне, ты безумен, о благороднейший из покупателей, а сыграть на этом – значит навлечь на себя невезенье.

Почти немедленно по всему Базару разнеслась весть, что юный Абдулла, торговец коврами, утратил рассудок и покупает все портреты, какие ему ни предложат.

Для Абдуллы это оказалось весьма некстати. Остаток дня его постоянно отрывали от дел разнообразные личности с длинными цветистыми речами о портрете бабушки, с которым они вынуждены расстаться только под бременем крайней нужды, или о красочном изображении любимого бегового верблюда самого Султана, случайно свалившемся с повозки, или о медальоне с портретом обожаемой сестрицы. У Абдуллы ушла уйма времени на то, чтобы выпроводить их вон, однако в нескольких случаях он все-таки приобрел портреты – само собой, портреты мужчин. Разумеется, из-за этого народ только прибывал.

– Только сегодня! Мое предложение действительно только сегодня до заката! – заявил наконец Абдулла собравшейся толпе. – Пусть всякий, у кого на продажу найдется изображение мужчины, придет ко мне за час до заката, и я куплю картину. Но только в этом случае!

Это позволило Абдулле отвоевать несколько спокойных часов, которые он отвел на опыты с ковром. Он уже засомневался, верно ли решил, будто его визит в сад не был просто сном. Ведь ковер не двигался. Разумеется, сразу после завтрака Абдулла снова испытал его, попросив подняться на два фута – чтобы удостовериться в его послушании. Но ковер остался на полу. Вернувшись из палатки художника, Абдулла еще раз испытал его, но ковер его воле не повиновался.

– Наверное, я дурно обращался с тобой, – сказал Абдулла ковру. – Ты остался верен мне и не улетел, несмотря на мои подозрения, а я в благодарность привязал тебя к шесту. Станет ли тебе лучше, друг мой, если я положу тебя на пол? Я угадал?

Он оставил ковер на полу, но тот все равно не полетел. Ковер ничем не отличался от любой старой циновки.

Абдулла подумал еще – в промежутке между наплывами разных людей, надоедавших ему с портретами. К нему снова вернулись подозрения относительно незнакомца, продавшего ковер, и страшного шума, который разразился у жаровни Джамала как раз тогда, когда незнакомец повелел ковру лететь. Абдулла припомнил, что видел, как оба раза губы незнакомца двигались, но расслышал далеко не все слова.

– Так вот в чем дело! – закричал Абдулла, стукнув кулаком в ладонь. – Перед тем как ковер полетит, надо сказать волшебное слово, а этот человек утаил его от меня по собственным соображениям – вне всякого сомнения, злонамеренным. Вот негодяй! А во сне я, должно быть, это самое слово и произнес.

Абдулла кинулся в дальний угол палатки и вытащил потрепанный словарь, которым пользовался в школе. Затем, встав на ковер, он закричал:

– «Абажур»! Взлети, пожалуйста!

Ничего не произошло – ни тогда, ни после всех слов, начинавшихся на А. Абдулла упрямо перешел к Б и, когда это не помогло, двинулся дальше и прочел весь словарь. Поскольку то и дело Абдулле мешали продавцы портретов, времени у него ушло порядочно. Тем не менее к вечеру он добрался до «ящура», а ковер даже не шелохнулся.

– Значит, это слово вымышленное или на иностранном языке! – воскликнул Абдулла, обливаясь потом. Приходилось поверить в это – или решить, что Цветок-в-Ночи была всего лишь сном. Но даже если она существовала на самом деле, шансы на то, чтобы заставить ковер отнести его к ней, улетучивались с каждой минутой. Абдулла стоял на ковре, выдавливая из себя всевозможные диковинные звуки и все известные ему иностранные слова, а ковер по-прежнему не совершал ничего похожего на движения.

За час до заката Абдуллу снова отвлекли – снаружи скопилась огромная толпа с рулонами и большими плоскими пакетами. Художнику с папкой рисунков пришлось расталкивать ее локтями. Следующий час был исключительно суматошным. Абдулла изучал картины, отвергал портреты тетушек и мамаш и сбивал непомерные цены, назначенные за скверные изображения племянников. За этот час он приобрел не только сотню превосходных рисунков, которые принес ему художник, но и восемьдесят девять других картин, набросков, медальонов и даже

кусок стены с написанным на нем лицом. При этом он расстался почти со всеми деньгами, которые уцелели после покупки ковра-самолета – если это, конечно, действительно был ковер-самолет. Когда Абдулле наконец удалось уговорить человека, твердившего, будто живописный портрет матушки его четвертой жены в должной мере походит на мужчину, что такая картина его не устраивает, и выпихнуть его из палатки, уже стемнело. Абдулла так устал и издергался, что даже есть не хотел. Он бы отправился спать, если бы не Джамал: тот получил бешеную прибыль, распродав свою снедь набежавшей толпе, и пришел к Абдулле с куском нежнейшего жареного мяса прямо на сковородке.

– Не знаю, что в тебя вселилось, – произнес Джамал. – Мне всегда казалось, ты в своем уме. Но свихнулся ты или нет, есть все равно надо.

– Безумие тут ни при чем, – ответил Абдулла. – Я просто решил открыть новое направление в торговле. – Однако мясо он съел.

Наконец сил у Абдуллы прибавилось настолько, что он смог взгромоздить все сто восемьдесят девять картин на ковер и улегся между них.

– Послушай же, – сказал он ковру, – если по счастливой случайности я произнесу во сне волшебное слово, немедленно отнеси меня в ночной сад Цветка-в-Ночи.

Ничего лучше он, судя по всему, сделать не мог. Заснуть ему удалось не скоро.

Проснулся он от нежного аромата ночных цветов и оттого, что чья-то рука осторожно коснулась его плеча. Над ним склонилась Цветок-в-Ночи. Абдулла увидел, что она куда прелестнее, чем ему запомнилось.

– Тебе и вправду удалось раздобыть множество картин! – обрадовалась Цветок-в-Ночи. – Как это мило с твоей стороны!

Получилось, победно подумал Абдулла.

– Да, – сказал он. – У меня здесь сто восемьдесят девять разных мужчин. Думаю, что по крайней мере общую идею тебе уловить удастся.

Он помог девушке снять с кустов побольше золотых фонариков и расставить их в круг на траве. Затем Абдулла показал Цветку-в-Ночи все портреты, сначала поднося их к фонарикам, а затем прислоняя к пригорку. Он чувствовал себя уличным художником.

Цветок-в-Ночи изучила каждого мужчину, которого предъявлял ей Абдулла, абсолютно бесстрастно и очень сосредоточенно. Затем она взяла фонарик и снова осмотрела все рисунки, которые сделал художник с Базара. Абдулле было очень приятно. Художник оказался настоящим мастером. Он рисовал портреты в точности так, как просил его Абдулла, – от царственного героя, явно скопированного со статуи, до горбуна, который чистил на Базаре башмаки, и не забыл и про автопортрет.

– Да, вижу, – сказала наконец Цветок-в-Ночи. – Мужчины действительно очень разные, как ты и говорил. Внешность моего отца вовсе не типична – и твоя, разумеется, тоже.

– Значит, ты согласна с тем, что я не женщина? – уточнил Абдулла.

– Вынуждена согласиться, – отвечала она. – Прошу прощения за ошибку. – И она пронесла фонарик вдоль пригорка, чтобы изучить некоторые портреты в третий раз.

Абдулла с беспокойством отметил, что выделила она самые красивые портреты. Он смотрел, как она с напряженным видом склоняется над ними, слегка наморщив лоб, и как на морщинки падает выбившийся темный завиток. Абдулла спросил себя, что за кашу он заварил.

Цветок-в-Ночи собрала все рисунки и аккуратно сложила их у склона.

– Так я и думала, – сообщила она. – Ты мне нравишься больше, чем все эти портреты. Одни кажутся мне слишком самовлюбленными, а другие – гордыми и жестокими. А ты добрый и скромный. Я намерена попросить отца отдать меня в жены тебе, а не очинстанскому принцу. Ты не против?

Сад так и завертелся вокруг Абдуллы вихрем золота, серебра и сумеречной зелени.

– Я… По-моему, ничего не выйдет, – промямлил он наконец.

– Почему? – спросила Цветок-в-Ночи. – Разве ты уже женат?

– Нет, нет! – испугался Абдулла. – Дело не в этом. По закону мужчине можно иметь столько жен, сколько он может содержать, но…

Лоб Цветка-в-Ночи снова собрался в морщинки.

– А сколько мужей можно иметь женщине? – поинтересовалась она.

– Конечно, одного! – ошарашенно ответил Абдулла.

– Чудовищная несправедливость, – заметила, поразмыслив, Цветок-в-Ночи. Она села на траву и задумалась. – Как ты считаешь, может ли получиться, что у очинстанского принца уже есть другие жены?

Абдулла смотрел, как морщинки у нее на лбу становятся глубже, а тонкие пальчики правой руки перебирают травинки едва ли не раздраженно. Да, кашу он заварил. Цветок-в-Ночи обнаружила, что ее отец намеренно скрывал от нее много важных сведений.

– Если он принц, – не без трепета сказал Абдулла, – то, я думаю, весьма вероятно, что у него уже довольно много жен. Да.

– Тогда он жадничает, – постановила Цветок-в-Ночи. – Ты снял камень с моего сердца. А почему ты решил, будто у нас не получится пожениться? Ты ведь тоже принц – ты вчера упомянул об этом.

Абдулла почувствовал, как щеки у него запылали, и проклял себя за то, что выболтал ей свои мечты. И хотя он твердил себе, что болтал, поскольку был убежден, будто все это сон, лучше ему не стало.

– Это правда. Но я рассказал тебе и о том, что потерялся и живу вдали от моего королевства, – ответил он. – Как ты могла заключить, зарабатывать на жизнь мне приходится низменными средствами. Я продаю ковры на занзибском Базаре. А твой отец явно человек очень богатый. Едва ли ему покажется, что мы подходящая пара.

Пальчики Цветка-в-Ночи гневно забарабанили по дерну.

– Ты говоришь так, будто это мой отец собирается за тебя замуж! – возмутилась она. – В чем дело? Я же тебя люблю. А ты меня любишь?

И с этими словами она взглянула Абдулле в глаза. Он в ответ посмотрел ей в глаза – в целую вечность огромных темных глаз. И услышал собственный голос: «Да». Цветок-в-Ночи улыбнулась. Абдулла улыбнулся. Прошло еще несколько лунных вечностей.

– Когда ты соберешься уходить отсюда, я пойду с тобой, – сказала Цветок-в-Ночи. – Поскольку то, что ты говоришь об умонастроениях моего отца, скорее всего окажется правдой, нужно сначала пожениться и лишь затем сообщить отцу. Тогда он уже ничего не сможет возразить.

Абдулла, у которого был некоторый опыт общения с богачами, от души сожалел, что не в силах разделить ее уверенность.

– Все не так просто, – возразил он. – Вообще-то теперь мне кажется, что единственно благоразумным решением для нас будет покинуть Занзиб. Это нетрудно, поскольку по случайности я владею ковром-самолетом – вон он, на пригорке. Он принес меня сюда. К несчастью, его нужно приводить в действие волшебным словом, которое я, по всей видимости, способен произносить лишь во сне.

Цветок-в-Ночи взяла фонарик и высоко подняла его, чтобы как следует рассмотреть ковер. Абдулла глядел на нее, восхищаясь грацией, с которой она склонилась над чудесной тряпицей.

– Видимо, он очень старый, – сказала она. – Я читала о таких коврах. Волшебное слово, вероятно, самое обычное, только надо произносить его на старинный манер. Из моих книг следует, что подобные ковры в случае опасности приводятся в движение очень быстро, так что искомое слово едва ли окажется чем-то диковинным. Расскажи мне подробно все, что ты о нем знаешь. Вместе мы, возможно, сумеем что-нибудь придумать.

Из этих слов Абдулла заключил, что Цветок-в-Ночи, если не брать в расчет пробелов в ее познаниях, и умна, и превосходно образованна. Он восхищался ею еще больше, чем раньше. Абдулла рассказал ей все, что знал о ковре, насколько мог судить, в том числе и о переполохе у жаровни Джамала, из-за которого он не расслышал волшебное слово.

Цветок-в-Ночи слушала его и кивала всякий раз, когда слышала что-то новое.

– Итак, – заключила она, – не станем рассуждать о причинах, по которым можно продать ковер-самолет таким образом, чтобы покупатель не мог им пользоваться. Это настолько странно, что, как мне кажется, нам стоит обдумать это после. А сначала подумаем, что этот ковер делает. Ты говоришь, он спустился, когда ты ему велел. А что незнакомец – молчал ли он в это время?

Ум у нее был острый и логический. Абдулла подумал, что воистину нашел жемчужину среди женщин.

– Я совершенно уверен, что он ничего не говорил, – ответил он.

– Тогда, – заметила Цветок-в-Ночи, – волшебное слово нужно только для того, чтобы заставить ковер подняться в воздух. В таком случае я вижу две возможности. Первая – ковер будет делать то, что ты велишь, пока где-нибудь не коснется земли. Или вторая – он будет повиноваться твоим приказам, пока не окажется снова в том месте, откуда начал путь…

– Это легко проверить! – сказал Абдулла. Он прыгнул на ковер и опыта ради воскликнул: – Поднимайся и лети назад в мою палатку!

– Нет-нет! Не надо! Подожди! – в тот же миг закричала Цветок-в-Ночи.

Но было поздно. Ковер взмыл в воздух и метнулся в сторону с такой скоростью и внезапностью, что Абдулла сначала опрокинулся на спину и дыхание у него перехватило, а потом обнаружил, что наполовину свесился через потрепанный край ковра, а под ним находится нечто, напоминающее ужасную высоту. Не успел он перевести дух, как снова задохнулся из-за встречного ветра. Оставалось лишь отчаянно вцепиться в бахрому на краю ковра. И не успел

он заползти поближе к середине ковра, а не то что заговорить, как ковер ринулся вниз, оставив свежеобретенное дыхание Абдуллы высоко позади, ворвался под полог палатки, едва не расплющив Абдуллу по дороге, и мягко и как-то очень окончательно приземлился на пол внутри.

Абдулла лежал лицом вниз, задыхаясь, и в голове у него проносились обрывки воспоминаний о башенках, мчавшихся мимо него на фоне звездного неба. Все произошло так быстро, что поначалу Абдулла думал лишь о том, каким неожиданно коротким оказался путь от его палатки до ночного сада. Когда Абдулла наконец отдышался, то едва не пнул самого себя. Каких же глупостей он наделал! Надо было по крайней мере подождать, пока Цветок-в-Ночи тоже взойдет на ковер. А теперь логика Цветка-в-Ночи подсказывала ему, что есть лишь один способ вернуться к девушке – это заснуть снова и надеяться, что во сне ему еще раз удастся произнести волшебное слово. Но поскольку Абдулле уже удалось проделать это дважды, он был уверен – у него получится. Еще больше он был уверен, что Цветок-в-Ночи все поймет и дождется его в саду. Она ведь сама разумность – жемчужина среди женщин. Она будет ждать его примерно через час.

После часа, проведенного попеременно то в самобичевании, то в восхвалении Цветка-в-Ночи, Абдулла сумел наконец уснуть. Но увы! Пробудившись, он по-прежнему лежал лицом вниз на ковре посреди собственной палатки. Снаружи лаял пес Джамала – от этого Абдулла и проснулся.

– Абдулла! – послышался голос сына брата первой жены его отца. – Ты там не спишь?

Абдулла застонал. Только этого ему и не хватало.

Глава четвертая, касающаяся брака и пророчества

Абдулла решительно не понимал, что понадобилось Хакиму. Родня первой жены его отца обычно появлялась в его краях раз в месяц, и этот визит уже был нанесен два дня назад.

– С чем пожаловал, Хаким? – устало крикнул он.

– Само собой, хочу с тобой поговорить! – крикнул в ответ Хаким. – Срочно!

– Так раздвинь занавески и входи, – сказал Абдулла.

Хаким протащил между занавесок пухлое туловище.

– Ну, знаешь, если это твои прославленные меры безопасности, о сын мужа моей тетушки, – пропыхтел он, – то что-то они мне не нравятся. Ведь кто угодно мог зайти сюда и застать тебя, спящего, врасплох!

– Собака снаружи залаяла и предупредила меня, что ты пришел, – отозвался Абдулла.

– И что с того? – поинтересовался Хаким. – А как ты был намерен поступить, если бы я оказался вором? Задушил бы меня ковром? Нет, твоих охранных мероприятий я определенно не могу одобрить!

– Что ты желаешь мне сообщить? – спросил Абдулла. – Или просто пришел сюда, как обычно, чтобы указать мне на промахи?

Хаким зловеще уселся на кипу ковров.

– Тебе недостает твоей обычной изысканной учтивости, о мой сводный кузен, – заметил он. – Если бы сын дяди моего отца услышал тебя, ему бы это не понравилось.

– Я не обязан отчитываться перед Ассифом за свое поведение или за что бы то ни было еще! – взорвался Абдулла. Он был глубоко несчастен. Душа его рвалась к Цветку-в-Ночи, а добраться до нее было невозможно. Ни на что другое терпения у Абдуллы не хватало.

– Тогда я не стану беспокоить тебя и не скажу, с чем пришел, – заявил Хаким, горделиво поднимаясь.

– Вот и хорошо! – ответил Абдулла и отправился в дальний угол палатки умываться.

Однако было ясно, что Хаким не уйдет, пока не выскажется. Когда Абдулла поднял лицо от умывального тазика и обернулся, Хаким все еще стоял в палатке.

– Будет уместно, если ты переоденешься и сходишь к цирюльнику, о мой сводный кузен, – посоветовал он Абдулле. – В настоящий момент ты выглядишь отнюдь не как человек, достойный посетить нашу лавку.

– А с чего мне ее посещать? – не без удивления спросил Абдулла. – Все вы уже давно дали мне понять, что меня там не ждут.

– Потому что внезапно выплыло на свет пророчество, сделанное при твоем рождении, – начал объяснять Хаким. – Оно обнаружилось в шкатулке, в которой, как издавна считалось, хранились благовония. Если ты позаботишься о том, чтобы прибыть к нам в лавку в достойном виде, мы вручим тебе эту шкатулку.

Пророчество Абдуллу ни капельки не интересовало. К тому же он не понимал, почему должен сам пойти его забрать, если Хакиму ничего не стоило принести его с собой. Он был уже готов отказаться, как вдруг ему пришло в голову, что если этой ночью удастся произнести во сне нужное слово (в чем Абдулла не сомневался – ведь это удалось ему уже дважды), то они с Цветком-в-Ночи, по всей вероятности, сбегут и поженятся. А мужчине подобает быть на собственной свадьбе должным образом одетым, умытым и выбритым. Так что, поскольку все равно придется идти в бани и к цирюльнику, можно по дороге домой заскочить к родственникам и забрать это дурацкое пророчество.

– Очень хорошо, – сказал он. – Ждите меня за два часа до заката.

Хаким нахмурился:

– А почему так поздно?

– Потому что у меня дела, о мой сводный кузен, – поведал ему Абдулла. Мысль о предстоящем побеге преисполнила его такой радости, что он улыбнулся Хакиму и склонился перед ним со всей возможной учтивостью. – Хотя я чрезвычайно занят и у меня остается лишь немного времени подчиняться твоим приказам, я приду, не волнуйся.

Хаким по-прежнему хмурился и, даже уходя, так же хмуро глянул на Абдуллу через плечо. Он был явно раздосадован и заподозрил неладное. Абдулле не было до этого никакого дела. Едва Хаким скрылся из виду, он от радости отдал Джамалу половину оставшихся денег за охрану палатки до вечера. В ответ на это ему пришлось принять от Джамала, которого все больше и больше распирало от благодарности, завтрак, состоявший из всевозможных деликатесов с жаровни. От волнения аппетит у Абдуллы улетучился. Еды было так много, что Абдулла, щадя чувства Джамала, большую часть скормил псу, причем пришлось беречься, так как обычно пес норовил отхватить его пальцы вместе с лакомыми кусочками. Однако пес, похоже, был благодарен не меньше хозяина. Он учтиво вилял хвостом, ел все, что предлагал Абдулла, а под конец попытался лизнуть его в лицо.

От этой церемонии Абдулла уклонился. Из пасти пса густо пахло несвежим кальмаром. Абдулла осторожно погладил его по шишковатой голове, поблагодарил Джамала и поспешил на Базар. Там он вложил оставшуюся наличность в аренду тачки. Эту тачку он аккуратно нагрузил лучшими и диковиннейшими коврами из своих запасов – очинстанскими цветочными, превосходными узорчатыми, привезенными из-за пустыни, золотыми фарктанскими, ослепительным паласом из Инхико и парными шпалерами из далекого Таяка – и покатил их к большим палаткам в сердце Базара, где торговали самые богатые купцы. При всем своем волнении Абдулла оставался человеком дела. Отец Цветка-в-Ночи явно очень богат. Лишь самые состоятельные люди могут себе позволить дать за дочерью такое приданое, чтобы сделать ее женой принца. Поэтому Абдулле было ясно, что бежать им с Цветком-в-Ночи придется очень далеко, а не то ее отец предпримет что-нибудь весьма неприятное. Но еще Абдулле было ясно, что Цветок-в-Ночи привыкла к роскоши. Ей не понравится жить в бедности. Поэтому Абдулле нужны были деньги. Он склонился перед торговцем в богатейшей из богатых лавок и, назвав его колоссом среди купцов и наиславнейшим из негоциантов, предложил ему цветочный очинстанский ковер за поистине сокрушительную сумму.

Торговец был другом отца Абдуллы.

– Почему же, о сын знаменитейшего на Базаре, – спросил он, – ты желаешь расстаться с тем, что, судя по цене, представляет собою жемчужину твоей коллекции?

– Я реорганизую свое предприятие, – отвечал Абдулла. – Ты, вероятно, слышал, что я скупаю картины и другие произведения искусства. Чтобы освободить для них место, мне приходится распродавать наименее ценные из залежавшихся у меня ковров. И мне пришло в голову, что продавец небесного полотна вроде тебя снизойдет до того, чтобы помочь сыну своего старинного друга сбыть с рук эту несчастную цветастую тряпку по бросовой цене.

– В будущем содержимое твоей палатки будет представлять несомненный интерес, – заметил торговец. – Позволь предложить тебе половину того, что ты просишь.

– О скупейший из скупцов! – отвечал Абдулла. – Даже бросовая цена – это деньги. Но ради тебя я, пожалуй, скину два медяка.

День был долгий и жаркий. Однако к вечеру Абдулла продал все лучшие свои ковры и выручил за них почти вдвое больше, чем когда-то заплатил. По его подсчетам, теперь у него оказалось достаточно наличности, чтобы содержать Цветок-в-Ночи в разумной роскоши месяца примерно три. А после – после либо подвернется еще что-нибудь, либо сладость ее нрава примирит ее с бедностью. Абдулла сходил в бани. Он сходил к цирюльнику. Он зашел к парфюмеру и надушился благовонными маслами. Затем он вернулся в палатку и переоделся в лучшие одежды. У этих одежд, как и у одежд большинства торговцев, было много разнообразных хитроумных отделок – вставок, вышивок и оторочек, которые на деле были вовсе не

отделками, а тщательно замаскированными карманами для денег. Абдулла распределил свое новоприобретенное золото по этим тайникам и был наконец готов. Без особой охоты он отправился в старую отцовскую лавку. Он твердил себе, что так легче скоротать время до побега.

Было очень странно подниматься по пологим кедровым ступеням и входить в дом, где он провел большую часть детства. Витавший там аромат – запах кедра и благовоний и шерстяной, маслянистый ковровый дух – был Абдулле настолько знаком, что стоило ему закрыть глаза – и он воображал себя десятилетним мальчиком, играющим за рулонами, пока отец торгуется с покупателем. Но с открытыми глазами ничего подобного Абдулла не видел. Сестра первой жены его отца питала прискорбную слабость к ярко-лиловому. Стены, решетчатые перегородки, кресла для покупателей, прилавок и даже конторка – все было выкрашено в любимый цвет Фатимы. Сама же Фатима вышла навстречу Абдулле в платье того же оттенка.

– Ах, Абдулла! Как ты вовремя и какой ты нарядный! – воскликнула она, своим тоном давая понять, что ожидала его за полночь и в лохмотьях.

– Вид у него почти как у жениха, – подхватил Ассиф, приближаясь к Абдулле с улыбкой на желчном лице.

Улыбка на лице Ассифа появлялась так редко, что Абдулла даже подумал, будто он потянул шею и кривится от боли. Тут Хаким хихикнул, и до Абдуллы вдруг дошло, что, в сущности, только что сказал Ассиф. К собственной досаде, Абдулла залился буйной краской. Пришлось ему учтиво поклониться, чтобы спрятать лицо.

– Ну зачем же заставлять мальчика краснеть! – воскликнула Фатима. Отчего, естественно, Абдулла покраснел еще больше. – Абдулла, а что это за слухи, будто бы ты теперь занимаешься картинами?

– И распродаешь свои лучшие товары, чтобы освободить место для этих картин, – добавил Хаким.

Абдулла перестал краснеть. Он понял, что его вызвали сюда, чтобы в очередной раз распечь. Он окончательно в этом уверился, когда Ассиф укоризненно произнес:

– Мы несколько обижены, о сын племянницы моего отца, ведь ты, судя по всему, даже не подумал, что и мы тоже могли бы сделать тебе одолжение и взять у тебя несколько ковров…

– Дорогие родственники, – сказал Абдулла, – конечно же, продать ковры вам я не мог. Ведь моей целью было получить прибыль, и едва ли я позволил бы себе обжулить тех, кого любил мой отец.

Он так разозлился, что повернулся и собрался было уйти, – и тут оказалось, что Хаким исподтишка закрыл двери и задвинул засовы.

– Зачем позволять всем и каждому заглядывать сюда? – заметил Хаким. – Дело у нас семейное…

– Бедный мальчик! – воскликнула Фатима. – Никогда еще он так не нуждался в родственной поддержке, чтобы привести свои мысли в порядок!

– Разумеется, – кивнул Ассиф. – Абдулла, по Базару пошли слухи, будто ты сошел с ума. Нам это не нравится.

– Он и вправду ведет себя странно, – согласился Хаким. – Мы не желаем, чтобы подобные разговоры имели отношение к такому уважаемому семейству, как наше.

Это было еще хуже, чем обычно. Абдулла ответил:

– У меня с головой ничего не случилось. Я знаю, что делаю. И я намерен больше не давать вам ни единого повода меня критиковать – вероятно, я исправлюсь уже к завтрашнему дню. Между тем Хаким велел мне прийти сюда, потому что вы обнаружили пророчество, полученное при моем рождении. Это правда или просто предлог?

Он никогда не вел себя настолько грубо с родней первой жены отца, но так рассердился, что решил – они этого достойны.

Как ни странно, все три родича первой жены его отца не то что не стали злиться на него в ответ, но, наоборот, взволнованно забегали по комнате.

– Ну, где же эта шкатулка? – верещала Фатима.

– Ищите, ищите! – твердил Ассиф. – Ведь там записаны слова, произнесенные предсказателем, которого его бедный отец привел к ложу своей второй жены через час после рождения сына! Пусть посмотрит!

– Написано твоим отцом собственноручно, – сообщил Хаким Абдулле. – Для тебя представляет величайшую ценность!

– Вот она! – воскликнула Фатима, победно снимая с верхней полки резную деревянную шкатулку. Она передала шкатулку Ассифу, а тот вручил ее Абдулле.

– Открывай, открывай! – взволнованно закричали все трое.

Абдулла поставил шкатулку на лиловый прилавок и щелкнул замочком. Крышка откинулась, и изнутри шкатулки пахнуло пылью – там не было ничего, кроме желтоватого листка бумаги.

– Доставай! Читай! – командовала Фатима, разволновавшись еще больше.

Абдулла не понимал, с чего они подняли такой шум, однако бумажку развернул. На ней было несколько строк, побуревших, выцветших и написанных, вне всякого сомнения, рукой его отца. Абдулла с бумагой в руках повернулся к висячему светильнику. Поскольку входную дверь Хаким закрыл, среди общей лиловости лавки читать оказалось трудновато.

– Он ничего не видит! – сказала Фатима.

– И неудивительно, тут совсем темно, – ответил Ассиф. – Отведите его в заднюю комнату. Там открыты потолочные ставни.

Они с Хакимом подхватили Абдуллу под локти и принялись пихать его в заднюю часть лавки. Абдулла так увлекся, пытаясь прочесть выцветший корявый почерк отца, что покорно позволял себя толкать, пока не оказался под большими потолочными окнами жилых покоев за лавкой. Там было посветлее. Теперь Абдулла понял, почему отец в нем разочаровался. Бумага гласила:

> *Вот слова мудрого прорицателя: «Этот сын не унаследует твое дело. Спустя два года после твоей смерти он, еще совсем юнец, вознесется выше всех жителей нашей страны. Таков закон Судьбы; потому я и сказал об этом».*
>
> *Будущее моего сына для меня – огромное разочарование. Да ниспошлет мне Судьба других сыновей и да унаследуют они мое дело, а иначе выходит, что я зря потратил сорок золотых на это пророчество.*

– Как видишь, дорогой наш мальчик, тебя ждет великое будущее, – сказал Ассиф.

Кто-то хихикнул.

Абдулла несколько ошарашенно поднял голову от бумаги. В воздухе чем-то сильно пахло.

Снова раздались смешки. Два. Прямо перед ним.

Абдулла вскинул глаза. Он так и чувствовал, как они выпучиваются. Прямо перед ним стояли две невероятно толстые молодые женщины. Они встретили взгляд его выпученных глаз и снова захихикали. Жеманно. Обе они были с ошеломляющей роскошью облачены в сверкающий атлас и клубящийся газ – розовый на левой красавице, желтый на правой – и увешаны таким количеством ожерелий, что прямо в глазах рябило. К тому же на лбу розовой, которая была потолще, прямо под аккуратно завитой челкой болталась жемчужная подвеска. На желтой, которая была если и потоньше, то самую чуточку, высилось нечто вроде янтарной диадемы, а прическа у нее была завита еще аккуратней. Обе очень сильно накрасились, что в обоих случаях оказалось грубейшей ошибкой.

Как только прелестницы удостоверились, что произвели на Абдуллу сильное впечатление – что было правдой, поскольку он оцепенел от ужаса, – каждая из них потянула из-за широких плеч вуаль – левая желтую, а правая розовую – и целомудренно прикрыла ею лицо.

– Приветствуем тебя, дорогой супруг! – хором прозвучало из-за вуалей.

– Что?! – закричал Абдулла.

– Мы закрываемся вуалями, – объяснила розовая.

– Потому что ты не должен видеть наши лица, – объяснила желтая.

– Пока мы не поженимся, – закончила розовая.

– Это недоразумение! – пробормотал Абдулла.

– Вовсе нет, – заявила Фатима. – Это племянницы моей племянницы, и они приехали сюда, чтобы выйти за тебя замуж. Разве ты не слышал, как я говорила, что собираюсь присмотреть тебе парочку жен?

Племянницы снова хихикнули.

– Такой краса-авчик, – пискнула желтая.

После довольно-таки долгой паузы, в продолжение которой Абдулла переводил дыхание и пытался совладать со своими чувствами, он учтиво произнес:

– Скажите же, о родичи первой жены моего отца, как давно вы знаете о пророчестве, которое было сделано при моем рождении?

– Сто лет, – отвечал Хаким. – Ты что, за дураков нас держишь?

– Твой дорогой отец показал его нам, когда писал завещание, – сказала Фатима.

– И естественно, мы не намерены лишать семью такого блестящего будущего, – объявил Ассиф. – Мы выжидали, когда ты откажешься продолжать дело отца, – а это явный признак того, что Султан намерен сделать тебя визирем, или пригласить тебя командовать своими войсками, или, возможно, как-то еще тебя возвысить. Обе твои невесты – наши ближайшие родственницы. Естественно, на пути наверх ты не забудешь и нас. Так что, милый мальчик, осталось лишь представить тебя чиновнику, который, как видишь, готов вас поженить.

До этой минуты Абдулла был не в силах отвести взор от двух вздымавшихся, как волны, фигур племянниц. Теперь же он посмотрел в сторону и встретил циничный взгляд базарного Судьи, который вышел из-за ширмы с Книгой регистрации браков в руках. Абдулле стало интересно, сколько же ему заплатили.

Юный торговец учтиво поклонился Судье.

– Боюсь, это невозможно, – сказал он.

– Ах, я так и знала, что он будет вести себя враждебно и строптиво! – воскликнула Фатима. – Абдулла, только подумай, какой это позор, какое разочарование для бедных девушек, если ты их отвергнешь! Ведь они ехали сюда, чтобы выйти замуж, и так старательно наряжались! Как ты мог, племянник!

– К тому же я запер все двери, – напомнил Хаким. – Не думай, что тебе удастся улизнуть.

– Мне жаль, что придется огорчить двух таких впечатляющих юных дам… – начал Абдулла.

Обе невесты уже были огорчены. Обе испустили вопль. Обе зарылись закутанным вуалью лицом в ладони и принялись громко причитать.

– Это ужасно! – плакала розовая.

– Я же говорила, надо было сначала у него спросить! – рыдала желтая.

Абдулла обнаружил, что зрелище плачущих женщин, особенно таких огромных, которые при этом еще и колыхались, страшно его расстроило. Он чувствовал себя чурбаном и скотиной. Ему стало стыдно. Девушки ведь ни в чем не виноваты. Просто Ассиф, Фатима и Хаким использовали их в своих целях, как и Абдуллу. Но Абдулла все равно казался себе чурбаном и скотиной, и ему было стыдно на самом деле потому, что ужасно хотелось заставить девушек прекратить сцену – замолчать и перестать колыхаться. В остальном Абдулле было наплевать на их оскорбленные чувства. Он знал, что стоит сравнить их с Цветком-в-Ночи, и сразу станет ясно, насколько они ему отвратительны. Сама мысль о том, чтобы жениться на них, была ему поперек горла. Его мутило. Но именно потому, что невесты хныкали, сопели и ахали у него перед носом, он вдруг подумал, что ведь три жены, в конце концов, – это не так уж много.

Племянницы составят Цветку-в-Ночи компанию вдали от дома и Занзиба. Придется все им объяснить, погрузить на ковер-самолет и…

Это вернуло Абдуллу к действительности. С грохотом. С тем грохотом, который получится, если на ковер-самолет погрузить двух столь массивных дам, – даже если предположить, что с подобной поклажей вообще удастся оторваться от земли. Ведь племянницы были просто невероятно толстые. А что до того, будто они смогут составить компанию Цветку-в-Ночи, – какая чушь! Она образованна, умна и добра и к тому же красива (и стройна). А этим девицам еще надо доказать, что у них на двоих найдется хотя бы одна мозговая клетка. Они хотят замуж, и все их вопли – лишь средство заставить его согласиться. И они хихикали. Он ни разу не слышал, чтобы Цветок-в-Ночи хихикала.

Тут Абдулла не без изумления обнаружил, что самым что ни на есть настоящим образом любит Цветок-в-Ночи – не менее пламенно, чем сам себя в этом убеждал, а может, и более, ведь теперь было ясно, как он ее уважает. Он понял, что умрет без нее. А если он согласится жениться на этих толстых племянницах, придется жить без нее. Она скажет, что он жадный, как очинстанский принц.

– Мне очень жаль, – сказал он, перекрывая громкие всхлипы. – И вправду следовало бы сначала переговорить со мной, о родичи первой жены моего отца и о досточтимейший и добродетельнейший Судья. Тогда обошлось бы без этого недоразумения. Сейчас я жениться не могу. Я связан обетом.

– Каким еще обетом? – сердито спросили все прочие, в том числе и толстые невесты, а Судья добавил: – А ты зарегистрировал этот обет? Всякий обет следует зарегистрировать в магистрате, чтобы он получил законную силу.

Это было некстати. Абдулла принялся лихорадочно соображать.

– Разумеется, обет зарегистрирован, о выверенные весы справедливости, – нашелся он. – Отец велел мне принести обет и привел меня в магистрат зарегистрировать его. Я был совсем крошечным ребенком. Сейчас я понимаю, что это связано с пророчеством, а тогда не понимал. Мой отец, человек благоразумный, не хотел, чтобы его сорок золотых пропали зря. Он заставил меня принести обет, что я не женюсь, пока Судьба не вознесет меня выше всех на этой земле. Поэтому… – Абдулла спрятал руки в рукава своего лучшего костюма и с огорченным видом поклонился толстым невестам, – поэтому сейчас я не могу жениться на вас, о пара облаков сладкой ваты, но настанет время…

– Ну, раз так… – закивали все с разной степенью неудовольствия, а затем, к глубочайшему облегчению Абдуллы, все от него отвернулись.

– Я всегда знала, что твой отец все очень верно схватывает, – добавила Фатима.

– Даже с того света, – согласился Ассиф. – Что ж, будем ждать возвышения нашего милого мальчика.

Однако Судья сдаваться не собирался.

– А кто был тот чиновник, перед которым ты принес этот обет? – спросил он.

– Как его звали, я не помню, – вдохновенно отвечал Абдулла, приняв вид крайнего сожаления. Его прошиб пот. – Я ведь был совсем маленький, и мне показалось, что он старик с длинной седой бородой. – Абдулла решил, что это сойдет за описание любого чиновника, в том числе и того, который сейчас стоял перед ним.

– Придется проверить все записи, – раздраженно заметил Судья. Он повернулся к Хакиму, Ассифу и Фатиме и официально – и довольно холодно – простился с ними.

Абдулла ушел вместе с Судьей, едва не вцепившись тому в форменный пояс, – так ему хотелось поскорее покинуть отцовскую лавку и двух своих толстых невест.

Глава пятая, в которой повествуется о том, как отец Цветка-в-Ночи пожелал вознести Абдуллу над всеми жителями земли

– Ну и денек! – сказал себе Абдулла, оказавшись наконец в своей палатке. – Раз я такой везучий, нечего удивляться, если мне так и не удастся поднять ковер в воздух!

«А может статься, – думал он, укладываясь на ковер, по-прежнему в лучшем своем наряде, – может статься, в ночном саду окажется, что Цветок-в-Ночи рассердилась на него за глупость и больше не любит его. Или по-прежнему его любит, но решила с ним не бежать. Или…»

Уснуть Абдулле удалось не сразу.

Однако, когда он проснулся, все было замечательно. Ковер как раз мягко снижался к залитому лунным светом пригорку. Поэтому Абдулла понял, что в конце концов ему удалось произнести волшебное слово и было это настолько недавно, что он едва ли не запомнил его. Но оно начисто стерлось из его памяти, когда из белых ароматных цветов и круглых желтых фонариков к нему выбежала Цветок-в-Ночи.

– Ты здесь! – кричала она на бегу. – Я так волновалась!

Она не сердилась. У Абдуллы запело сердце.

– Ну что, готова? – крикнул он в ответ. – Давай скорей ко мне!

Цветок-в-Ночи радостно рассмеялась – это определенно не было хихиканье – и перебежала лужайку. Должно быть, луна именно в этот миг скрылась за облаком, потому что Абдулла увидел бегущую девушку в свете одних лишь желтых фонариков – золотую, стремительную. Он встал и протянул к ней руки.

И тут облако спустилось вниз, к свету фонариков. И это было не облако, а огромные черные кожистые крылья, бесшумно бьющие воздух. Из тени машущих крыльев показались две не менее кожистые руки с длиннющими когтями – и сомкнулись вокруг Цветка-в-Ночи. Абдулла видел, как она подпрыгнула, когда эти руки не дали ей бежать. Она обернулась и глянула вверх. То, что она там увидела, заставило ее закричать – испустить протяжный, дикий, отчаянный крик, оборвавшийся, когда одна из кожистых рук поднялась и закрыла ей лицо когтистыми пальцами.

Цветок-в-Ночи колотила по руке кулаками, пиналась и отбивалась – но напрасно. Ее подняли наверх – маленькую белую фигурку на фоне тьмы. Огромные крылья снова бесшумно взметнулись. Гигантская ступня с такими же когтями, как и на руках, придавила траву примерно в ярде от ковра, на котором Абдулла еще не успел толком встать, на огромной голени вздулись мышцы, и тварь – кем бы она ни была – устремилась вверх. Какой-то миг Абдулла глядел в жуткую кожистую морду с кольцом в крючковатом носу и узкими раскосыми глазами – глубокими и жестокими. Тварь на него и не посмотрела. Она была занята тем, чтобы подняться в воздух вместе со своей жертвой.

В следующий миг чудовище взлетело. Еще мгновение Абдулла видел его над головой – огромного летучего ифрита, в руках у которого висела крошечная бледная девушка. Потом чудовище поглотила ночь. Все произошло неимоверно быстро.

– За ним! За ифритом! – приказал Абдулла ковру.

Ковер вроде бы повиновался. Он неохотно заерзал и поднялся с пригорка. А потом он нырнул обратно и замер, словно бы кто-то отдал ему другой приказ.

– Ах ты молью траченная циновка! – заорал на него Абдулла.

Вдали в саду раздался чей-то голос:

– Люди, сюда! Кричали где-то там!

Абдулла заметил на другом конце сада отблески лунного света на металлических шлемах и – хуже того – золотой факельный свет на мечах и луках. Он не стал дожидаться, пока придется объяснять этим людям, почему он кричал, и бросился плашмя на ковер.

– Назад в палатку! – шепнул он. – Быстро! Пожалуйста!

На сей раз ковер послушался – так же расторопно, как и вчера ночью. Он в мгновение ока взмыл с пригорка, метнулся в сторону и перемахнул через неприступную стену. Абдулла лишь краем глаза увидел большой отряд наемников-северян, метавшихся по залитому светом саду, – и вот уже он несся над спящими крышами и посеребренными луной башнями Занзиба. Абдулла едва успел подумать, что отец Цветка-в-Ночи, наверное, даже богаче, чем он полагал, – ведь далеко не все могут позволить себе держать так много наемных солдат, а северные наемники были самые дорогие, – и тут ковер спланировал вниз и плавно пронес его самую середину палатки.

Там Абдулла дал волю отчаянию.

Цветок-в-Ночи похитил ифрит, а ковер отказался за ним следовать. Абдулла понимал, что в этом нет ничего странного. Всем занзибцам было известно, что любому ифриту покорны огромные силы земли и неба. Этот ифрит, несомненно, проявил прозорливость и приказал всему, что находилось в саду, не двигаться, пока он похищает Цветок-в-Ночи. Ифрит наверняка даже не заметил ни ковра, ни Абдуллы на нем, однако слабенькое ковровое волшебство было вынуждено покориться приказу ифрита. И ифрит похитил Цветок-в-Ночи, которую Абдулла любил больше жизни, – похитил в ту минуту, когда она бежала к нему в объятья, и ничего тут, судя по всему, не поделаешь.

Абдулла заплакал.

Потом он решил выкинуть из карманов все деньги. Теперь они ему были ни к чему. Но перед этим он снова предался горю – сначала громогласным жалобам, рыдая в голос и бия себя в грудь по занзибским обычаям, а затем, когда запели петухи и появились первые прохожие, впав в молчаливое отчаяние. Не было смысла даже шевелиться. Пусть другие суетятся, посвистывают и гремят ведрами – Абдулла больше не имеет отношения к этой жизни. Он лежал, скорчившись, на ковре-самолете и мечтал умереть.

Ему было так худо, что он даже не подумал об опасности, которая могла грозить ему самому. И он не обратил внимания, что все звуки Базара внезапно стихли, как умолкают птицы в лесу при появлении охотника. Он и вправду не заметил ни тяжелой мерной поступи, ни ровного клац-клац-клац наемнических доспехов. Абдулла не поднял головы, даже когда у самой палатки кто-то гаркнул: «Стой, раз, два!» Но тут занавески палатки с треском оборвались и упали наземь, и пришлось все-таки повернуться. Абдулла вяло удивился. Он сощурил опухшие веки от яркого света и не слишком настойчиво спросил себя, что, собственно, делает в его палатке отряд солдат-северян.

– Он, – сказал некто в штатском, который вполне мог оказаться Хакимом, и благоразумно исчез, пока Абдулла не разглядел его хорошенько.

– Ты! – рявкнул командир отряда. – На выход. С нами.

– Что? – переспросил Абдулла.

– Взять его! – приказал командир.

Абдулла был огорошен. Он слабо возражал, когда его поставили на ноги и стали выкручивать руки. Он продолжал возражать, когда его бегом – клац-клац, клац-клац – вывели из Базара в Западные кварталы. Вскоре он начал возражать уже весьма решительно.

– Что происходит? – пыхтел он. – Скажите мне… куда мы… требую как гражданин!

– Молчать. Увидишь, – отвечали ему. Солдаты были здорово тренированные, так что совсем не пыхтели.

Спустя недолгое время они бегом втащили Абдуллу под массивные каменные ворота, сложенные из глыб, сверкавших на солнце белым, во внутренний двор, где провели пять минут в раскаленной, словно печь, кузне – Абдуллу сковали цепями. Он возражал еще решительней:

– Это еще зачем? Мы где? Я желаю знать!

– Молчать! – велел командир отряда. И сказал своему соратнику с варварским северным акцентом: – Вечно эти *занзибчики* скулят. Никакого представления о достоинстве.

Пока командир отряда это говорил, кузнец, тоже занзибец, шепнул Абдулле:

– Тебя требует Султан. Ничего хорошего пообещать не могу. Последнего, кого я так заковал, четвертовали.

– Но я же ничего не сде… – протестовал Абдулла.

– МОЛЧАТЬ! – зарычал командир отряда. – Готово, кузнец? Хорошо. Бего-ом *марш*!

И солдаты снова потащили Абдуллу через залитый солнцем двор, в маячивший за ним огромный дворец.

Абдулле хотелось сказать, что в таких цепях даже ходить и то невозможно. Они были ужасно тяжелые. Однако просто поразительно, на какие чудеса способен человек, вдохновленный отрядом суровых солдат. Абдулла бежал – дзынь-клац, дзынь-клац, бряк, – пока с усталым дребезгом не прибыл к подножию величественного трона на возвышении, отделанного холодновато-голубыми и золотыми плитками и увенчанного горой подушек. Там все солдаты встали на одно колено – в почтительном отдалении, как всегда делают наемники-северяне перед тем, кто им платит.

– Пленник Абдулла, господин Султан, – доложил командир отряда.

Абдулла не стал преклонять колени. Он последовал обычаям Занзиба и упал ниц. К тому же он очень устал, и рухнуть со страшным грохотом лицом вниз ему было проще всего. Плиточный пол был чарующе, восхитительно прохладным.

– Пусть этот сын верблюжьих испражнений встанет на колени, – сказал Султан. – Пусть эта тварь смотрит нам в лицо. – Голос его был негромок, но дрожал от гнева.

Один из солдат потянул за цепи, а еще два рванули Абдуллу за руки, так что в конце концов он встал перед Султаном на колени, согнувшись пополам. Солдаты держали Абдуллу в такой позе, и он был этому рад. Иначе он съежился бы от ужаса. Человек, развалившийся на плиточном троне, был жирен, лыс и оброс кустистой полуседой бородой. Он словно бы лениво, а на самом деле яростно похлопывал по подушке какой-то белой матерчатой штуковиной с кисточкой на конце. Именно штуковина с кисточкой и подсказала Абдулле, как крепко он влип. Это был его ночной колпак.

– Что скажешь, пес с навозной кучи? – спросил Султан. – Где моя дочь?

– Понятия не имею, – горько ответил Абдулла.

– Не станешь же ты отрицать, – продолжал Султан, болтая колпаком так, словно это была отрубленная голова, которую он ухватил за волосы, – не станешь же ты *отрицать*, что это твой ночной колпак? А твое имя вышито внутри, несчастный торговец! Я нашел его – *мы* самолично изволили его найти! – в шкатулке моей дочери, равно как и восемьдесят два портрета простых людей, которые моя дочь спрятала в восемьдесят два тайника. Не станешь же ты отрицать, что проник в мой ночной сад и подарил эти портреты моей дочери? Не станешь же ты отрицать, что после этого ты похитил мою дочь?!

– Еще как стану! – возразил Абдулла. – О высочайший защитник угнетенных, я не стану отрицать ни колпака, ни портретов, хотя должен отметить, что дочь твоя прячет лучше, чем ты ищешь, ибо на самом деле я подарил ей на сто семь картин больше, чем ты обнаружил, – однако я отнюдь не похищал Цветок-в-Ночи. На моих глазах ее уволок огромный отвратительный ифрит. О том, где она сейчас, я имею не большее представление, чем твое небеснейшее сиятельство.

– Нечего сказать, правдоподобная история! – сказал на это Султан. – Ифрит! Тоже мне! Лжец! Презренный червь!

– Клянусь, это правда! – закричал Абдулла. Он впал в такое отчаяние, что слова его больше не заботили. – Принеси любой священный предмет, какой хочешь, и я на нем поклянусь, что это был ифрит! Заколдуй меня так, чтобы я мог говорить только правду, и я скажу то же самое, о могучий сокрушитель преступников. Ибо это правда! А поскольку, вероятно,

утрата твоей дочери стала для меня куда большим ударом, нежели для тебя, о великий Султан, слава нашей земли, молю немедля убить меня, избавив от невыносимо горькой жизни!

– Я охотно велю тебя казнить, – согласился султан, – но сначала скажи мне, где она.

– Я же сказал тебе, о диво подлунного мира! – простонал Абдулла. – Я не знаю!

– Уберите его, – очень спокойно приказал Султан коленопреклоненным солдатам. Они с готовностью вскочили и поставили Абдуллу на ноги. – Вызнайте истину пыткой, – добавил Султан. – Когда мы ее найдем, можете его убить, но до того времени пусть живет. Полагаю, очинстанский принц возьмет в жены и вдову, если удвоить приданое.

– Ошибаешься, властелин властелинов! – выдохнул Абдулла, когда солдаты с лязгом тащили его по плиткам. – Я совершенно не представляю себе, куда отправился ифрит, и то, что он уволок ее прежде, чем мы имели хоть какую-то возможность пожениться, – величайшее мое горе!

– Что?! – закричал Султан. – Тащите его обратно!

Солдаты тут же приволокли Абдуллу вместе с цепями назад к выложенному плитками трону, с которого Султан, нагнувшись, свирепо глядел на пленника.

– Неужели мой чистый слух запятнан вестью о том, что ты, мерзавец, даже не женат на моей дочери?! – спросил он.

– Это в точности так, о могущественный монарх, – ответил Абдулла. – Ифрит появился прежде, чем мы успели пожениться.

Султан глядел на него сверху вниз, и на лице его отразилось нечто вроде ужаса.

– Это правда?

– Клянусь, – сказал Абдулла, – что не успел даже поцеловать твою дочь. Я собирался разыскать соответствующего чиновника, когда мы окажемся вдали от Занзиба. Ведь я понимаю, что подобает честному человеку, а что нет. Однако я также счел подобающим честному человеку вначале выяснить, действительно ли Цветок-в-Ночи хочет за меня замуж. Мне показалось, что ее решение принято от общей неосведомленности, несмотря на сто восемьдесят девять портретов. Да простятся мне такие слова, о покровитель патриотов, однако твои методы воспитания дочери совершенно нездоровы. Когда она увидела меня впервые, то приняла за женщину.

– Выходит, – задумчиво сказал Султан, – когда я вчера вечером послал солдат в ночной сад с приказом поймать и убить незваного гостя, это могло иметь катастрофические последствия. Недоумок, – обратился он к Абдулле, – раб и смерд, ты еще осмеливаешься делать мне замечания! Разумеется, у меня были основания воспитывать дочь именно так, а не иначе! Сделанное при ее рождении пророчество гласит, что она выйдет замуж за первого мужчину, кроме меня, которого увидит!

Несмотря на цепи, Абдулла выпрямился. Впервые за этот день он почувствовал какую-то надежду.

Султан между тем погрузился в размышления, блуждая взглядом по превосходно отделанной и украшенной комнате.

– Это пророчество меня прекрасно устраивало, – заметил он. – Я давно обдумывал союз с северными государствами, поскольку оружие у них лучше, чем у нас, а некоторые его виды, как я понимаю, и вовсе работают на колдовстве. Однако заполучить очинстанских принцев очень непросто. Посему мне оставалось, как я думал, только лишить дочь всякой возможности лицезреть мужчину, а во всех остальных отношениях, естественно, дать ей наилучшее образование, чтобы она умела и плясать, и петь, и угождать принцу. А когда дочь вошла в возраст, я пригласил принца посетить нас с официальным визитом. Он должен был прибыть сюда в следующем году, завершив покорение какой-то страны, которую только что завоевал с помощью того самого колдовского оружия. И я знал, что стоит моей дочери взглянуть на него, и

благодаря пророчеству он мой! – Султан обратил на Абдуллу взгляд, не предвещавший ничего хорошего. – А теперь мои планы порушены – и кем? Такой букашкой, как ты!

– К несчастью, это так, о благоразумнейший из правителей, – признал Абдулла. – Скажи же мне, не сложились ли обстоятельства так, что этот очинстанский принц несколько… э… стар и уродлив?

– Полагаю, он ужасен на свой северный манер, наподобие этих наемников, – сказал Султан, и Абдулла почувствовал, как при этих словах солдаты, по большей части рыжие и конопатые, прямо-таки окостенели. – А почему ты спрашиваешь, пес?

– Поскольку, да простится мне дальнейший критицизм, о наставник народа, это несколько нечестно по отношению к твоей дочери, – отметил Абдулла. Он почувствовал, как все солдаты вытаращились на него, дивясь его дерзости. Абдулле было все равно. Терять ему было почти что и нечего.

– Женщин в расчет не принимают, – сказал Султан. – Поэтому поступать по отношению к ним нечестно попросту невозможно.

– Я не согласен, – возразил Абдулла, отчего солдаты вытаращились на него еще сильнее.

Султан свирепо поглядел на него сверху вниз. Могучие руки скрутили ночной колпак, словно это была шея Абдуллы.

– Замолчи, недужная жаба! – процедил он. – А не то я забудусь и велю казнить тебя немедленно!

Абдулле чуточку полегчало.

– О высочайший меч среди граждан, молю тебя казнить меня сию же секунду, – ответил он. – Я согрешил, я преступил границы, я вторгся в твой ночной сад…

– Тихо, – велел Султан. – Ты прекрасно знаешь, что я не могу убить тебя, пока не найду дочь и не прослежу, чтобы она вышла за тебя замуж.

Абдулле еще немного полегчало.

– Твой раб не в силах следовать ходу твоей мысли, о сапфир справедливости, – заявил он. – Я требую немедленной смерти.

Султан на это прямо-таки фыркнул.

– Если эта печальная история и научила меня чему-то, – сказал он, – так это тому, что даже я – я, Султан Занзибский, – не могу тягаться с Судьбой. Так или иначе это пророчество исполнится. Не сомневаюсь. Посему, если я хочу сделать мою дочь женой очинстанского принца, сначала мне придется последовать пророчеству.

Абдулле полегчало почти совсем. Ему это было ясно уже давно, однако он хотел, чтобы Султан сам догадался. И Султан догадался. Цветок-в-Ночи явно унаследовала свой логический ум от отца.

– Так где же моя дочь? – спросил Султан.

– Я уже сказал тебе, о сверкающее солнце Занзиба, – отвечал Абдулла. – Ифрит…

– Я ни на миг не поверю в твоего ифрита, – оборвал его Султан. – Это слишком удобное объяснение. Ты наверняка где-то спрятал бедную девочку. Уведите его, – приказал он солдатам, – и заприте в самой надежной нашей темнице. Цепи не снимать. Чтобы проникнуть в сад, он наверняка прибегнул к колдовству и сумеет воспользоваться им и сейчас, если мы не примем надлежащие меры.

При этих словах Абдулла не сдержался и вздрогнул. Султан это заметил. Он неприятно улыбнулся.

– А затем, – продолжил он, – я намерен организовать розыск моей дочери по всей стране, в каждом доме. Как только ее найдут, приказываю доставить ее в темницу для брачной церемонии. – Его задумчивый взгляд снова обратился к Абдулле. – А я тем временем развлечения ради стану изобретать для тебя невиданные способы убийства. Пока что я склоняюсь к

мысли посадить тебя на сорокафутовый кол и напустить хищных птиц – пусть выклевывают по кусочку. Но если удастся сочинить что-нибудь похуже, я передумаю.

Когда солдаты поволокли Абдуллу прочь, он едва не предался отчаянию снова. Он подумал о пророчестве, сделанном при его собственном рождении. Сорокафутовый кол – замечательный способ вознести его выше всех жителей этой страны.

Глава шестая, которая показывает, как Абдулла попал из огня да в полымя

Абдуллу заточили в глубокое и вонючее подземелье, единственным источником света в котором было крошечное зарешеченное окошко в потолке, причем свет был довольно тусклый. Судя по всему, он падал из далекого окна в конце коридора этажом выше, а решетка была вделана в пол этого коридора. Понимая, что чего-то подобного и следует ожидать, Абдулла старался, пока солдаты его тащили, насытить зрение и память образами света. Улучив минутку, пока солдаты отпирали наружную дверь темницы, он взглянул вверх и по сторонам. Они были в небольшом темном дворике, окруженном глухими стенами, которые высились со всех сторон, словно утесы. Однако, откинув голову, Абдулла разглядел неподалеку стройную башню, вырисовывающуюся на фоне расцветающего утреннего золота. Его поразило, что с рассвета прошел всего час. Небо над башней было сочно-голубое, и в нем мирно висело одно-единственное облако. Утро еще окрашивало облако красным и золотым, превращая его в подобие золотооконного замка с высокими шпилями. Золотой свет блеснул на крыльях белой птицы, летавшей вокруг башни. Абдулла был уверен, что это последняя красота, которую он видит в жизни. И когда солдаты затащили его в темницу, он глядел в небо через плечо.

Когда Абдуллу заперли в холодном сером подземелье, он попытался лелеять в душе это воспоминание, но у него ничего не вышло. Темница казалась другим миром. Довольно долго Абдулле было так горько, что он даже не замечал, как затекло его тело в цепях. Заметив это наконец, он стал ерзать и звякать по холодному полу, но это не помогало.

– Нужно приготовиться к тому, что так мне придется провести всю оставшуюся жизнь, – сказал он себе. – Если, конечно, никто не спасет Цветок-в-Ночи. – Это казалось едва ли возможным – ведь Султан отказался верить в ифрита.

Затем Абдулла постарался отогнать отчаяние мечтами. Но почему-то ему вовсе не стало легче оттого, что он вообразил себя похищенным принцем. Абдулла знал, что это неправда, и терзался совестью, вспоминая, как Цветок-в-Ночи поверила его россказням. Она ведь наверняка решила стать его женой именно потому, что полагала, будто он принц, – ведь, как он выяснил, она и сама принцесса. Абдулла просто представить себе не мог, что когда-нибудь отважится рассказать ей правду. Некоторое время ему даже думалось, что он заслуживает самого жестокого наказания, какое только изобретет для него Султан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.